

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАКОН ДЕСАНТА – СМЕРТЬ ВРАГАМ!

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Закон десанта – смерть врагам!

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Закон десанта – смерть врагам! / С. И. Зверев — «Научная книга», 2010 — (Спецназ ВДВ)

В далекий сибирский городок Славянка съезжаются люди – шесть мужчин и три женщины. Они незнакомы и пока не знают, что каждый из них получил один и тот же безапелляционный приказ: прибыть в поселок Любимовка. Зачем – не уточняется. В пути заказной автобус с девятью пассажирами сворачивает с маршрута и устремляется в тайгу. Вскоре пассажиры оказываются в странном месте: в пустом здании, обвитом колючкой под напряжением, откуда совершенно невозможно выбраться... Вскоре выясняется, что эти люди все же встречались раньше. Они – воспитанники одной и той же секретной школы-питомника по выращиванию гениев. Но кто и зачем их вызвал сюда? Что делать дальше? В ходе споров выявляется лидер компании —офицер ВДВ Вадим Кольцов...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Закон десанта – смерть врагам!

*«Мы боремся с течением, бьемся из последних сил – однако нас
неумолимо сносит в прошлое».*

Ф.С. Фитцджеральд

Часть I

Сентябрь, 2004 год

«Заходите, без вас нам одиноко», – уверяла табличка на потертой двери. Вадим помялся у ступеньки, как бы сомневаясь в верности принятого решения, обернулся. Городишко, погруженный в осеннюю меланхолию, загадочно помалкивал. Бесцветные дома, мостки через речушку. Шуршала листва по разбитому асфальту. Из фрагмента силикатной ограды через дорогу (то ли недостроили, то ли недоломали) позевывая выглядывала смешная дворняга с обвислыми ушами. Вадим посмотрел на часы. До автобуса на Любимовку оставалось много времени. Довольно с него местных достопримечательностей. Он вытер ноги о решетку и вошел в парикмахерскую.

«Одиночество» царило махровым цветом. В помещении присутствовала единственная мастерица – судя по рыжему мочалу на голове, особа без комплексов.

– Добрый день, – поздоровался Вадим.

– Милости просим, присаживайтесь, – работница положила на подоконник женский журнал пятилетней давности, с вызовом оглядела клиента. В углу работал полуживой компактный телевизор «Сапфир». Лесбодуэт, которого было еле видно, орал про то, как «сошел с ума».

Вадим уселся в продавленное кресло. Для того чтобы разогнать скуку и убить время, а также избавиться от легкого озноба и лишней растительности на голове, это помещение вполне подходило.

– Что-то «Келвином Кляйном» повеяло, – почтительно заметила девица, становясь за спиной Вадима. Оценивающе обследовала прическу и кое-что пониже.

– Согласен, – кивнул Вадим. Стойкая вода – ни один поезд не берет. Приятно осознавать, как прогрессирует российская глубинка: пусть не владеет (на какие, позвольте, средства?), так хоть в курсе буржуазных веяний. – Особо не утруждайтесь, девушка, хорошо? Легкий тюнинг, так сказать; приукрасьте мою действительность, не нарушая волосяной покров, договорились?

Рыжая с готовностью прыснула. Мягкие пальчики с нажимом прогулялись по отросшей шевелюре, явно намекая на комплекс дополнительных услуг (горячих и бесплатных) при соответствующем, разумеется, поведении клиента. Вадим закрыл глаза. Хотелось только одного – скоротать время до автобуса, а уж там завалиться спать. Как-то незатейливо и легкомысленно под жужжание машинки он начал погружаться в полудрему. Вернулись воспоминания – неторопливый поезд из «столицы Сибири», упитанная проводница с манерами капрала, командированный в Тугун «начальник транспортного цеха», короткая стоянка в Славянске, где он выгрузился, – сонный, испытывающий стойкую неприязнь ко всему железнодорожному.

– Вы приезжий, – донесся через стук колес голосок мастерицы. Она не спрашивала – утверждала. В этом парне все – и лицо, и прическа, и стандартная городская упаковка – откровенно говорило: он приезжий! По ошибке, на минуточку, от поезда отстал!

– Приезжий, – пробормотал Вадим. – Вернее, проезжий. Транзитом я – из Н-ска в Любимовку. По делам. А вас как зовут?

Последняя фраза вырвалась как-то автоматом – ничего подобного он не замыслил.

– Оля, – охотно представилась мастерица, закусив от усердия губу – она тщательно выравнивала висок. – Можно Оленька. Все подруги зовут меня Оленькой.

Имя Оля ей шло, как бифштекс, поджаренный с перцем, – столовке общепита.

– А вас... сейчас угадаю, – заворковала Оленька. – Вас зовут Олег – ваше имя нарисовано на вашем лице, как на плакате. Такого мужчину, как вы, могут звать только Олег, и никак иначе. Ну, скажите, разве я не угадала?

Вадим усмехнулся.

– Угадали, Оленька.

Это была чистая правда и пожизненное проклятие Вадима Кольцова. Любые полужнакомые и незнакомые лица машинально нарекали его Олегом, а, узнавая правду, сильно удивлялись – мол, дескать, дырявая память и незнание здесь ни при чем – это имя первым приходит в голову, когда на него смотришь. Иначе говоря, мистика.

– Как здорово, – обрадовалась Оленька и еще активнее завозила машинкой, продираясь от виска к затылку. Вадим опять задремал – сказывалась бессонная ночь в трескучем вагоне. Сквозь молочный туман до него доносилось бормотание парикмахерши – о том, что городок Славянск не такая уж дыра, в нем есть два клуба, химчистка и целое интернет-кафе со своими прожигателями жизни. Что места, конечно, глуховатые, загадочные, особенно благодаря закрытой зоне министерства не то обороны, не то еще чего-то, которую и раскрыли-то совсем недавно (правда, не до конца), но зато какая красивая здесь природа, особенно сейчас, в начале осени, когда буйство красок достигает апогея. Что «Олегу» нужно чаще заходить в парикмахерские, ему очень идет короткая стрижка. И не важно, что пышная шевелюра, по утверждению древних, является свидетельством жизненной силы и мудрости. В частности, мудрейший легендарный Самсон перестал быть таковым, когда однажды ночью коварный агент вражьего стана срезал у спящего Самсона с головы его обильную растительность (в журнале вычитала, догадался Вадим). Не в обилии дело, глубокомысленно заявляла Оленька, а в индивидуальных особенностях каждого клиента – время нынче другое. У «Олега» красивая ранняя седина на висках, и только короткая стрижка позволяет лицезреть благородные переливы – истинное свидетельство мудрости и жизненной стойкости...

Убаюканный комплиментами, он все глубже погружался в сон. «Вот захраплю сейчас, – мелькнула мысль, – и будет неловко».

Ладно хоть не спросила, откуда у него седина. Десять лет назад он обзавелся этой сомнительной «красотой» – в один короткий день. Выполз, контуженный, из-под обломков жилого здания в центре чеченской столицы и побрел, запинаясь о мертвых однополчан, – искать живых. Уже в расположении части глянул на себя в зеркало и не узнал – смертельно бледный, с искаженным лицом, безжизненными глазами, побелевшей головой...

– А зачем вам нужно в Любимовку? – вдруг спросила Оленька.

Вадим очнулся. Рыжая любовно полировала шею, умудряясь при этом прижиматься к плечу и в полной мере передавать жар своего невостребованного тела.

– Да есть у меня в Любимовке интерес, – пробормотал Вадим, поневоле впадая в задумчивость. Странная штука происходила с ним в Славянке. Доселе спящее чувство опасности вдруг проснулось, и все утро, пока он шарахался по городку, не давало покоя. Он решил, что это из-за быстрой смены обстановки, но так ли это на самом деле?

Не дождавшись правдивого ответа, девушка не стушеввалась.

– Не думаю, что из Славянки есть прямой рейс на Любимовку, – она отложила машинку и задумчиво уставилась на стоящий у зеркала одеколон с «клизмой». Сердце протестующе сжалось. – На Антополь есть, на Горчихино есть... Даже на Томск есть. А вот чтобы попасть

в Любимовку, вам придется сесть на томский автобус, выйти у Ивлево, дожидаться рейса из Строгановки... А томский автобус уходит рано утром, на него вы уже не попали. Вам есть где переночевать?

– Спасибо, – искренне поблагодарил Вадим. – Мой автобус уходит в два часа дня. Нужно ехать, извините.

Оленька заметно расстроилась.

– Как странно. Неужели запустили новый маршрут?... Вы будете душиться? Это, конечно, не «Келвин Кляйн»...

Хорошо хоть спросила. Вадим с готовностью замотал головой.

– У вас прекрасное чувство юмора, Оленька. Запах «Шипра» я признаю только в литературе, спасибо вам.

– Ну, тогда все, – мастерица скинула с клиента покрывало, обтерла шею, чтобы не чесалось. – Принимайте работу, Олег Батькович. Неплохо, согласитесь?

– Очень хорошо, – согласился Вадим. – Достойный портрет в интерьере. Вам нужно переезжать в город, Оленька, там катастрофически не хватает классных парикмахеров.

– У меня фобия на большие города, – улыбнулась рыжая. – Страх и аллергия. Да и не знаю я никого в вашем городе, чего я там не видала? С вас 65 рублей, Олег. И давайте без сдачи, у меня в кассе одна пыль.

Вадим, похоже, единственный в сентябре клиент.

– Не нужно сдачи, Оленька, – он выложил на подзеркальник сотенную купюру – достойная плата за тепло и дружеское участие. Еще раз критически осмотрел свою голову (действительно, вариант беспроектный) и пятерней, как гребнем, взъерошил челку. Оленька смотрела на него с легкой грустинкой.

– Теперь вы будете пользоваться популярностью, Олег, – сказала она, подумала и добавила: – Большой популярностью.

– Просто обвальшой, – подыграл Вадим. Он мило простился с мастерицей, забросил на плечо сумку с надписью «Nike» и покинул парикмахерскую.

Автостанция выглядела такой же вымершей, как и весь городок. Ветер носил листву по разбитому асфальту. Под навесом закрытого кафе тосковали голуби. У коробочки с вывеской «Касса» притулились два автобуса-старожила; еще один, с надписью «Гурьево – Славянка», чадя выхлопом, вползал на площадь. Еще минута, и площадь перестанет казаться вымершей. Автобус остановился на дальнем конце, принялся выгружать сонный контингент, в основном пенсионеров. Проехал грузовик, груженный картошкой. На восточной стороне площади, у пустующих базарных рядов, стоял еще один автобус – не новый, зато импортный – с плоским ветровиком и вытянутым пассажирским салоном. Очевидно, он и был искомым – на Любимовку. Вадим посмотрел на часы – тринадцать пятьдесят. Ни поразмыслить над жизнью, ни припасть к теплоте стану парикмахерши Оленьки времени уже не было. Разве что перекурить. Вытряхнув сигарету из пачки и сунув ее в рот, Вадим побрел через площадь.

«Любимовка» – красовалось за ветровым стеклом. Там же висел стыдливо-розовый скелетик и выпел с гербом города Таллина. Шофер отсутствовал. За серыми шторами темнели силуэты ожидающих. У раскрытой двери курили двое – совершенно лысый субъект без ресниц и бровей – явная жертва Эдисоновой болезни и уверенного вида крепыш с клочком седины повыше лба – осанистый, улыбчивый. Возможно, эти парни и не были знакомы, просто сошлись как будущие попутчики. Вадим щелчком отправил окурочок в далеко стоящую урну. Безволосый проследил за точным попаданием, уважительно крякнул и посторонился.

– Надо же, автобус до Любимовки объявился, отродясь такого не было, – заметила пожилая аборигенка в платочке, бредущая с прибывшего гурьевского рейса. Женщина тащила две корзины с опятами – свою и хромающего поодаль деда.

Вадим обернулся, вновь почувствовав опасность. Испытывая нерешительность, он забрался в автобус.

Жажды к общению он пока не испытывал, оттого и двинул на «корму» – мимо бледного очкарика, не сказать, что замороженного, но сильно худого, мимо двух дам и мачо в солнцезащитных очках от Картье. В самый конец он не полез – уселся на предпоследнее сиденье справа от прохода, машинально отметив немногочисленность пассажиров и какую-то подспудную мыслишку относительно последних, мгновенно исчезнувшую.

Бросив сумку к окну, Вадим откинул голову на высокую спинку. Для того чтобы собраться с мыслями, требовался покой. Он расслабился, но ненадолго – хихикнула девица, заливисто засмеялась другая. «Кому-то нужно как следует стукнуть по макушке», – подумал Вадим, открывая глаза. Хохотушки за высокими сиденьями не просматривались. Зато неплохо было видно, как появляются новые пассажиры. Кряхтя и отдуваясь, в салон забрался плотный молодой мужчина – гладко стриженный, бородатый, в яркой красно-желтой ветровке. Следом за ним – фигуристая блондинка в джинсе. Оказалось, что они не вместе: упитанный плюхнулся на переднее сиденье сразу за кабиной, девица отправилась дальше, держа перед собой на вытянутых руках нейлоновый «банан» с таким видом, словно там как минимум граммов триста тротила. Приятно улыбнувшись Вадиму, она вздула челку и села напротив – через проход. Вошли те двое, что курили. Безволосый хихикал, видимо, по поводу услышанного забавного анекдота, а крепыш с довольным видом похмыкивал. Эти тоже далеко не пошли – приземлились между дамами и худосочным очкариком. Звякнула пивная тара – неизбежный спутник долгой дороги.

Вернулась и обожгла мысль – та самая, подспудная: возраст пассажиров! Ни детей, ни стариков. Ни молодежи, ни представителей старшего поколения. Относительно молодые люди, немногим за тридцать, как и ему самому, но почему-то никто этого не замечает.

Вадим скосил глаза, обнаружив, что блондинка занимается тем же – поглядывает на него. Она была постарше остальных, но из-за детского курносого носика и кукольных щечек казалась моложе. Заметив, что за ней наблюдают, дама смешно вздернула носик и отвернулась. Обручального кольца на правой руке не было (но это ни о чем не говорило). Вадим открыл рот, намереваясь что-то сказать, хотя и не придумал что (главное, открыть рот, а слова найдутся). Но тут в автобус поднялся водитель в кожаной жилетке и радостно объявил:

– Всем привет. За проезд приготовим, граждане.

– Сколько? – поинтересовался толстяк.

– Недорого, по полтинничку, – водила до ушей растянул в улыбке рот и скинул кепку. – Дружно обилетились и поехали.

– Почему так дорого? Это же рейсовый автобус... – лениво возмутился кто-то из представителей сильного пола. Но не крепыш с безволосым – те не стали бы заниматься гнилым, а главное, бесперспективным крохоборством – не те лица. Либо очкарик возмущался, либо «мачо».

– Это вам не рейсовый автобус, – грубовато заметил водила. – А заказной. Чуете разницу?

Качать права и унижаться крохобор поостерегся. Водила двинулся по проходу, собирая в кепку деньги. Вадим опять скосил глаза. Блондинка морщила носик, пытаясь одновременно смотреть и в сторону, и держать соседа в поле зрения.

– С каких это пор заказные автобусы стали платными? – вполголоса поинтересовался Вадим. Быть обвиненным со стороны блондинки в скупердяйстве он не боялся, поскольку проговорил сардоническим тоном.

– С тех пор как появились водители в кожаных жилетах, – блондинка повернулась к Вадиму. Ее глаза были ясные, серые, она смотрела немного с вызовом.

Он бросил купюру в протянутую кепку – словно милостыню вольному музыканту. Соседка повторила его движение – правда, бросила сотенную, а купюру Вадима извлекла, скрутила и вставила в пистончик на груди.

– Спасибо, цыпочка, – шофер по-свойски подмигнул, развернулся и потопал на рабочее место. Заработал двигатель – базарные ряды и дощатые сараи медленно поплыли за окном.

– Между прочим, меня Вадимом зовут, – представился Кольцов.

– А я Катя Василенко, – отозвалась попутчица. – Можно Екатериной Викторовной, но так длиннее. Как хотите.

– Хочу короче, – подумав, выбрал Вадим. – Вы довольно молоды для такого длинного имени.

– Увы, – вздохнула блондинка. – Уже немолода. Одно радует – бывают случаи и потяжелее.

– Сплюшь и рядом, – подхватил Вадим. – Вы знаете, Катя, я полдня болтался осенним листом по Славянке и пришел к интересному выводу: наши социологи бессовестно лгут, утверждая, что средний возраст населения, особенно в провинции, неуклонно снижается. Средний возраст аборигенов этого милого городка – лет девяносто. Вы случайно не местная?

– Боже упаси, – блондинка эротично приложила руку к груди. – Я из Н-ска.

– Как странно, – удивился Вадим. – Городок-то наш небольшой, всего каких-то полтора миллиона, причем половина – пенсионеры, дети, инвалиды и наркоманы...

Автобус между тем выезжал за пределы Славянки. Проплыла заросшая крапивой околица, мостик через глубокий овраг. Затуманились гористые перелески. Стая ворон взмыла в воздух и дружно закаркала. К чему бы это?

– Вы, наверное, редко выходите из дома? – предположила Катя.

– Наверное, – Вадим пожал плечами. – Холостяцкая берлога, знаете ли, ортопедический матрас, все такое. Пенсия и покупки по Интернету. Добыча фуража – на плечах кузины-белешвейки, она у меня по хозяйству...

– А еще зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка? – засмеялась блондинка. Кольцов заметил в уголках ее рта морщинки, но, как ни странно, они ей шли.

– Верно, – согласился Вадим. – У хозяйки моей семьи была гремучая энергия, особенно по части потребления запретных плодов; мы общались исключительно припадочным лаем, а когда ей радикально угодила шлея под хвост, и она решила, что один муж в семье обязательно вырастет эгоистом...

Блондинка согнулась от беззвучного хохота.

– ...Я счел разумным сменить статус, – закончил Кольцов. – И уже целый год не открываю пиво обручальным кольцом, – а когда блондинка отсмеялась, поинтересовался: – А у вас в этой жизни, надеюсь, все правильно? Не говорите только, что вы окончили институт домработниц.

– Да нет, я не замужем, – сообщила неплохую весть Катя. – Окончила педагогический институт, работаю менеджером в турфирме.

– Прокладываете туристические тропы? От уютных зимних стойбищ до развратных курортов Родоса и Пхукета?

Блондинка покачала головкой.

– Скорее, от кошелька потенциального туриста до закровов алчного руководства турбюро «Баттерфляй».

– Как игриво это звучит – «Баттерфляй»... Любимовка входит в круг интересов вашего алчного руководства?

Блондинка помрачнела.

– Я по личным мотивам, – отозвалась она. И замолчала.

– Ну и ладно, – поспешил исправить Вадим, – я тоже не по линии работы. Думаю, не задержусь. Как вы считаете, Катя, в славном городе Любимовка найдется что-нибудь похожее

на ресторан? А если найдется, то вы какую кухню предпочитаете? Китайскую, итальянскую или сытную бабушкину?

– Птица-говорун отличается умом и сообразительностью, – непонятно откуда вдруг раздался голос.

Вадим от удивления открыл рот.

Катюша этого не говорила – он следил за ее лицом. А говорить, не разжимая рта, дано не каждому. Блондинка в свою очередь озадаченно взглянула на Кольцова и почему-то сказала:

– Я этого не говорила.

Ясный факт. Остальные пассажиры тоже не могли. До ближайших как минимум – три ряда кресел.

– Давайте проведем собственное расследование, – сказал Вадим, оборачиваясь и приподнимаясь, – глядишь, и найдем скелетик в шифоньере.

Скелетик и вправду имелся. Причем детский, и на нем имелось немного мяса. Это была девочка лет тринадцати, неловко скрючившаяся между полом и последним сиденьем. Бедненькая, пожалел ее Вадим – наверное, чертовски неудобно. Девочка была одета в простеганную курточку, розовый шарфик и шапочку с большим мохнатым помпоном. Голубые глазки смотрели иронично, немного с испугом.

– Мама дорогая, – изумился Вадим, – ты подслушиваешь?

– Да больно надо, – проворчала девчонка. – Тебя и глухой услышит, если напряжется. И вообще, мужик, дойдешь до анатомических подробностей – предупреди, я уши заткну; мне еще рано.

– А ты хамоватая, – строго заметил Вадим. – Не до срока ли взрослеем, девочка?

Ребенок зло сверкнул глазами и надулся.

– Уж какую вырастили. Только не говори, что сам беспонтовый. Я слышала – расстился тут, как коврик персидский, склоняя тетечку к совместному времяпрепровождению. Можно подумать, один такой остроумный.

– А тебе и завидно стало, – хмыкнул Вадим.

– Да это же заяц! – прозрела Катя. – Обыкновенный ушастый заяц.

– Заяц, заяц, – буркнула девчонка. – Денег у меня нет. А в Любимовку надо.

– Ну, точно, – кивнул Вадим. – Раньше всех села. Водила до ветра умотал или за куревом, а эта и прошмыгнула. Слушай, дите малое, а мамка с папкой у тебя имеются?

– Сирота я, – подумав, сообщила девчонка, – круглая. Мамка при родах моих погибла, а папка от горя. Вот и мотаюсь по стране.

– Я бы тоже погибла, родив такую, – не преминула съязвить Катя.

– Врет, – убежденно заявил Вадим. – Уж больно ухоженная. И развита не по годам. Сбежала, поди, от мамки с папкой, а теперь корчит из себя сироту.

Екатерина задумалась.

– А может, заплатить за нее?

– А может, ей еще и пятку почесать? – не удержался Вадим. – Перебьется, не заслужила. Вот сейчас пойду и настучу водителю, пусть высадит ее посреди леса, говорят, тут волки прогрессируют, и разбойники свирепо размножаются.

– Не надо... – вздрогнула девчушка, и в голубых бездонных глазах появились слезинки.

«Ага, – подумал Вадим, – не такая уж она и железная. Хамит, а как прижмешь, шелковая становится.

– Как звать-то тебя, чудо? – спросил он уже миролюбивее.

Девчушка съежилась. Попыталась выпрямить затекшую ногу – не вышло.

– Валюша...

Стандартное имечко. Что вырастет, неизвестно. Назвали бы Олей – получилась бы парикмахерша... Вадим приподнялся, обозрел салон. Движок надсадно тархтел. Виднелась правая

рука шофера, лежащая на баранке. Пассажиры не оглядывались и, похоже, ничего странного не замечали. Похихикивали женщины, кто-то бубнил нарочито басом. По салону распространялся резкий запах «правильного» пива.

– А меня Вадимом звать, – признался Кольцов, подсматривая в щель между сиденьями (привставать он больше не решался). С другой стороны сидений на него смотрели и хлопали ресницами бирюзовые глазенки.

– Я уже в курсе, – прошептала девчонка. – А подружку твою будущую зовут... М-м, не помню. Просто блондинка.

– И этим все сказано, – прыснула Катя. – Мало того, что блондинка, так еще и женщина средней молоджавости.

– Позвольте, – возмутился Вадим. – Как тебе не стыдно, Валентина? К твоему сведению, блондинки тоже люди и требуют подхода. Извинись перед дамой, а я пока схожу к шоферу, оплачу твой проезд, так что можешь распрямиться, а не то искривишь позвоночник.

– Нет, не вздумай... – глазенки мигом наполнились ужасом. – Не ходи, не надо... Это злой шофер. Я видела его глаза, когда он пригнал автобус. Он так смотрел вокруг, с такой настороженностью и злостью... Он меня высадит, не ходи.

Вадим пожал плечами.

– Как хочешь, Валюша, твоя спина, не моя. Но учти, когда приедем в Любимовку этот злодей обязательно тебя вычислит. В форточку ты вряд ли пролезешь, она маленькая, придется идти мимо кабины. И вот тогда он снимет со штанов широкий мужской ремень и выбьет тебя, как половик, что, в принципе, не мешало бы сделать.

– Плевать, – упрямо проговорила Валюша. – Вы меня прикроете.

– Мы не спецназ, – возразил Вадим. И почувствовал, что краснеет – сказал неправду. Впрочем, никто ничего не понял – о своей профессии он пока не распространялся.

– Да сядь ты нормально, – покачав головой, посоветовала Екатерина, – защемишь позвоночник – будешь тогда тут арии орать. Никто тебя не увидит – кресла высокие, ты маленькая, а водитель во время движения по салону не ходит.

На некоторое время установилось молчание. Видимо, девочка переваривала советы и нравоучения. Потом прижалась к щели и забормотала:

– Ладно, уважаемые, как-нибудь сама решу, где мне сидеть и как выходить. Можете трепаться хоть всю дорогу. Вы меня не видели, а я постараюсь вас потерпеть.

Автобус запрыгал по кочкам – относительно гладкий асфальт сменился грунтовой. Лес стал гуще – зелено-золотистые перелески сменились сумрачной чащей, состоящей в основном из хвойных деревьев. Изредка они отступали, и обнажались мшистые барьеры из каменных глыб, заросшие на макушках травой. Лес и вправду производил гнетущее впечатление. Ничего удивительного, что где-то в его недрах в годы развитого социализма плодились закрытые объекты. Где им еще плодиться?

Разговор не клеился. Присутствие «дрянной девчонки» не давало Вадиму вести беседу.

– Нет, я так не играю, – признался он жалобно. – У меня такое ощущение, будто нас подслушивает и подсматривает вся планета.

– Неприятно, да, – согласилась Катя. – Боюсь, до Любимовки придется помолчать. Вы не знаете, как долго ехать?

– Никогда не ездил, – вопрос поставил Вадима в тупик. – Но говорят, до Любимовки километров сто двадцать. За Аргалакским лесным массивом – а по нему мы как раз и следуем – трасса на Парабель. Дай бог выберемся, там покатам поэнергичнее.

Блондинка подалась вправо, вытянула шею – старалась рассмотреть, чем там занимается девчонка. У Кати был ровный золотистый загар – от корней волос, венчающих лоб, до худенькой ключицы, дерзко смотрящей из распахнутого ворота байковой рубашки апаш. Очевидно, прошедшим летом Екатерина в отличие от Вадима времени не теряла. Он тоже обернулся.

Безбилетница вняла совету: скрючилась с ножками на сиденье, отвернулась к окну. Мерно подрагивал смешной помпон. Очень трогательно. Не страдающий излишней сентиментальностью, Вадим почувствовал жалость. С девчонкой явно творилось неладное. Не может просто так ребенок, без денег и «конвоя», оказаться в автобусе, идущем неизвестно куда.

– Эй, граждане, производится бесплатная раздача пива! – раздался в начале салона веселый голос, и над сиденьями возник безволосый с улыбкой до ушей. В руках он подбрасывал две емкости из темного стекла. – Подходите, граждане, налетайте!

– Вот она, широкая русская душа, – шепнул Вадим. – Наберут бутылок двадцать, чтоб потом не отвлекаться, а после не знают, куда девать. Вы не хотите пива, Катя?

Блондинка покачала головой.

– Не хочу. Я считаю, что все надо делать вовремя. Летом пить пиво и сухие красные вина, в сентябре неплохо бы пошел «Токай» семьдесят шестого года...

– А зимой белый «Мартини» и портвейн «Саваж» с безумным послевкусием, – подхватил Вадим, – особенно при горящем камине и любовно сервированном столике. Вы не хотели бы составить мне компанию, Катя? Я знаю один превосходный камин. Это на углу Красного проспекта и Потанинской, двор недавно лопнувшего банка. Скажем, в конце сентября? Вы добьетесь просветления и прозреете, обещаю.

– А вы не опережаете события? – Катя покосилась на подозрительно застывший помпон.

– Ну что вы, – Вадим перехватил ее взгляд. – Я всего лишь мечтаю, Катя. Мечты в теории опережают воплощение их на практике. К сожалению... – он закрыл глаза, откинул голову и добавил: – А в паузах между сбывчаниями мечта уместно и пиво. В любую погоду. – Однако за пивом он не пошел. Сколько ехать, неизвестно, а мочевого пузыря не резиновый.

Кольцов не помнил, сколько прошло времени. Он не спал, в памяти крутились события последних дней, вспоминались причины, вынудившие его оказаться именно в Томской губернии, а не где-нибудь, скажем, у экватора. Слух фиксировал звуки. Валюша на заднем сиденье тяжело вздохнула, зашуршала курточка. Скрипнули кроссовки – девочка поменяла позу. Зашумел народ в передней части салона. Минуту назад красавчик «мачо», охотно присоединившийся к дармовому угощению, рассказывал бородатый анекдот, слушатели лениво хмыкали, а дамы, как ни в чем не бывало, трещали, вернее, трещала одна, а другая поддакивала. Теперь в голосах звучали нотки недоумения и взволнованности. Заговорил целый хор, но Вадим различил лишь одну фразу – «Чего-то, мужики, я не втыкаюсь», – которую проговорил безволосый. Вадим открыл глаза. Машинально глянул на циферблат – полтора часа в пути, верст восемьдесят отмахали. За шторами – нескончаемые ельники, ничего нового или необычного. Необычным было только то, что автобус ехал не укатанным большаком, которых даже в удаленных уголках Сибири хватает, а какой-то узкой лесной дорогой, буквально раздвигая еловые лапы.

Кольцов покосился на соседку. Катя дремала, склонив на плечо симпатичную головку. На «камчатке» завозилась Валюша, узкая ручонка вклинилась между сиденьями и ущипнула Вадима за плечо.

– Эй, слушай, мы какую-то сетку проехали...

– Ты что, офигела? – Кольцов вздрогнул от боли. – Какую еще сетку?

– Откуда я знаю, какую? Сетка в лесу. Ее деревья прикрывали, а я увидела. А еще фигня какая-то вроде шлагбаума. Но не шлагбаум... а такая, знаешь, железка на катушку похожая, на нее еще канаты наматывают, когда корабли пристают.

– Кнехт? – окончательно очнулся Вадим. – Ты точно офигела, Валюша...

– Не-е, глюки – это не мое, – девчонка припала ртом к щели и зашептала. – С нее канат еще съехал, и такая фигня вроде калитки откатилась. Слушай, а куда мы заехали, а?

Пассажиры начали испытывать беспокойство. Мужчина с женщиной наперебой требовали у шофера объяснений. Коренастый поднялся и, не спеша, отправился в кабину – за инфор-

мацией. Вадим закусил губу – не даром его беспокоило чувство опасности. Он откинул штору. Красоты дикой Сибири закончились на огромной разлапистой ели – древней и почти черной. Чаша расступилась, возник бетонный забор в два человеческих роста. Дырка в заборе (или ворота?)... Автобус подбросило на мощном ухабе. Вадим чуть не вывалился в проход. Ойкнула Валюша, загалдел народ. Екатерина открыла глаза и завертелась.

– Это что?..

Автобус заскрипел тормозами и резко остановился.

– У меня резонное подозрение, что это не Любимовка, – пробормотал Вадим.

– Да что ты говоришь? – съерничала Валюша. – Это ежику понятно. А нам, между прочим, нужно в Любимовку.

– А ну, не возмущаться, граждане! – зычно произнес шофер. – Автобус заказной – куда заказывали, туда и прибыли. Просьба не расходиться, за вами придут.

Озадаченные пассажиры разом замолчали. Хлопнула дверца кабины – понимай как знаешь. Вадим перехватил испуганный взгляд Екатерины.

– Вадим, – прошептала та, покрываясь белыми пятнами, – это обман... Этот автобус и не должен был ехать в Любимовку... Нет такого рейса, они специально подстроили. Зачем?

«А вот сейчас и узнаем», – предчувствуя нечто ужасное, подумал Вадим.

Интрига была налицо, однако с дальнейшими событиями вышла заминка. Обещанный «гид» не явился. Отойдя от шока, пассажиры зашевелились. Через окна просматривалось какое-то круглое сооружение буро-болотного цвета, кусты волчьего лыка с сочными ягодами, наклепанными на кору, шиповник, деревья, бетонный забор, плотные ельники по ту сторону забора. Людей не было. Кабина водителя оказалась пуста, двери в салоне закрыты. Куда подевался этот кожаный рулила, никто не мог сказать – как сквозь землю провалился. Вышел и сгинул... Испуганные пассажиры не обратили внимания на Валюшу – девчонка прицепилась к Вадиму и Кате, как репей.

– Что за дела? – возмущалась горбоносая брюнетка. – Люди дорогие, объясните, это что – гоп-стоп-засада? А за каким тогда, извиняюсь, хреном к нам никто не идет?

Полноватая особа с пепельными кудряшками – спутница брюнетки – с затравленным видом помалкивала, с надеждой поглядывая на представителей сильного пола. Худой очкарик как-то судорожно протирал пальцем очки; красавчик-мачо метался по проходу. Бородатый даже не делал попыток приподняться – кусая губы, он сидел на переднем сиденье и напряженно смотрел в окно. Безволосый втиснулся в кабину, проводок задницу по водительскому креслу и, распахнув дверцу, бодро возвестил:

– Эй, толпа, шуруйте сюда, здесь свобода...

– Еще чего, – возмутилась брюнетка, – да мы с Лариской не пролезем, ты чего, Борька, издеваешься?

В общем-то она была худой, чего не скажешь о соседке. И чего развыступалась? Молчаливый крепыш пытался открыть дверцы в салоне. Но пневмоцилиндры держали мертвой хваткой.

– Эй, помоги, – бросил крепыш красавчику.

– Меня уже кинули, спасибо, – горе-мачо начал покрываться какими-то трупными пятнами. Не выдержав пристального взгляда крепыша, он отвернулся. Вадим пришел на помощь – вдвоем, поднажав, они сдвинули двери с мертвой точки, сжали створки, а маленькая Валюша, оказавшаяся сообразительной, забралась им под ноги и вставила распорку – какой-то валик с резьбой, подобранный на полу в кабине.

– А это что за серая шейка? – удивился крепыш, обнаружив присутствие в компании особы не самого старшего школьного возраста.

– Это со мной, – неохотно пояснил Вадим.

– Не садился ты с ней, – без комплексов переходя на «ты», заметил обошедший кабину безволосый.

Вадим невольно улыбнулся, подзывая жестом к выходу Катю.

– Ехали долго. Родить успели, воспитали. Хреново, правда, воспитали...

Добрая шутка подняла настроение, но ненадолго. Глазам вышедших из автобуса представило безрадостное зрелище.

Это было странное место. Заповедная глушь. Шумел вечнозеленый лес. Высокий, бетонный забор окружал двор, строение и несколько пристроек. Позади остались массивные ворота – через них и въехал на территорию автобус – внушительная стальная плита, глухо замкнувшая разрыв в заборе. Ограждение, по всей видимости, представляло собой четырехугольник – впереди стена, параллельная первой, и слева аналогичная, перпендикулярная этим двум. От забора до забора – метров сто, то есть территория ограниченная и небольшая. Слева сарай с углем. Поодаль – треугольное строение с остроконечной вершиной; слишком мало, чтобы называться зданием – похоже на вход в овощехранилище или иное подземное сооружение, чему и косвенное подтверждение – закрытая железная дверца. За «хранилищем» – продолговатое сооружение со скобами на дверях, вроде гаража, обросшее кустами. Напротив гаража, прямо по курсу – открытая беседка – объект нелепый и практически упавший. Опять кусты, хаотично растущая трава, у забора – пышные ели с плотными юбочками. Справа от подъездной дорожки, утонувшей в чертополохе, – залитая гудроном крыша. Такое ощущение, словно домик осел в землю, придавленный прессом. Так и должны, наверное, выглядеть бойлерные, котельные, подстанции, или какие там еще объекты, ответственные за обеспечение отдельно стоящих зданий...

Ротонда возвышалась в правом дальнем углу огороженной территории. Умело замаскированная гигантскими елями, вряд ли она могла просматриваться сверху. А если и могла, то какие тайны раскроешь с высоты полета вертолета? Не идеально круглая, но и острых углов в здании не было. Три кирпичных этажа, на последнем окна мутные, непроницаемые, на остальных обыкновенные; в центре, напротив подъездной дорожки – примитивное крыльцо с козырьком, дверь. Остро пахло пылью.

Люди теснились у автобуса, не решаясь от него отойти. Долго молчали. Первым выразил отношение к происходящему безволосый. Внимательно осмотрев окрестности, повторно заглянув за автобус, он вернулся и озадаченно проговорил:

– М-да, занятно, господа.

– Обстановка в высшей степени романтическая, – поддержал крепыш.

– Не вижу ничего романтического, – процедила брюнетка. – Вижу подлый обман. Где мы, уважаемая толпа?

– Это не Любимовка, – кутаясь в тоненькую ветровку, проскрипел очкарик. Вадим вздрогнул – этот вшивый интеллигентишка повторил его слова.

– Возмутительно, – подал голос красавчик. Этот субъект уже не казался насмерть испуганным. – Что же следует, господа, – похищение? Мы заложники? Каждый из нас по своим делам отправляется в Любимовку, лично у меня времени в обрез, а попадает куда?.. Где эти чертовы похитители? Где водитель, в конце концов? Да нет же здесь никого!

«А по своим ли делам мы направлялись в Любимовку?» – подумалось Вадиму. Еще недавно он гнал эту мысль, но она оказалась навязчивой.

– О, господи... – пухлая дамочка с симпатичным лицом (вроде бы Лариса) обняла руками плечи и принялась затравленно озираться.

Бородатый вытер рукавом пот со лба, хотя жары, собственно, и не было.

– Так-то оно так... – его голос неприятно поскрипывал, – но вместе с тем и не так. Как мы можем ручаться, что здесь никого нет? В лесу мы видели подобие пропускного пункта. Кто-то же нас впустил? Мы въехали сюда... – толстяк в растерянности обернулся, – кто-то закрыл

за нами ворота. Да и водитель... Не мог он просто так раствориться в параллельном мире. Он где-то рядом, спрятался...

– Но зачем? – побледневшая Катя сжала Вадима за локоть.

Крепыш проигнорировал вопрос и с иронией ответил толстяку.

– Похвально, уважаемый. Терять в экстремальной ситуации позволительно любую мелочь – веру, храбрость, деньги, но только не умение мыслить логически. Вы правы.

– Может, перестанем «выкать»? – предложил Вадим.

– Отличное предложение, – охотно отозвался безволосый, – лично я давно перестал. А вот что касается шофера, тут я, возможно, догадываюсь... Мы встали у какой-то торчащей из земли хреновины, похожей на вход в типовое овощегноилище. Представьте на минутку, что там не овощи гниют, а имеется, скажем, проход в дом. Водитель прыгнул с подножки, открыл дверь, и адью...

– Так надо же за ним, е-мое... – встрепенулся очкарик.

– Проверено, – кивнул безволосый, – дверь закрыта изнутри. Дураков нет.

– Я говорила тебе, что это злой шофер? – Валюша ткнула Вадима в бок. – А ты не верил, вот теперь будешь знать.

– Так что же нам делать-то, господа? – плаксиво вымолвила особа с пепельными волосами. Из всей компании она казалась наиболее испуганной, хотя ничего трагичного, если вдуматься, пока не происходило. Может, предчувствовала?

– Надо убираться из этой дыры, – хмуро предложил Вадим, – других вариантов не вижу. Ходить и аукаться по территории как-то не греет.

– А как насчет вот этого? – ребенок оказался не только сообразительным, но и наблюдательным. Валюша задрала палец куда-то вверх, и все невольно проследили за его направлением.

Над периметром забора тянулась лохматая и колючая проволочная спираль, похожая на мочала травы, свисающие с обрывов по берегам рек. А выше, цепляясь за штыри арматуры, насаженные с трехметровыми промежутками на стену, вился тройной ряд еще одной проволоки. Она была натянута и слегка наклонена к земле.

– Обладая некоторыми акробатическими навыками, мы ее сделаем, – неуверенно сообщил безволосый, вставляя в зубы сигарету.

– Не дадут, – фыркнула брюнетка. – Не забывайте о том, что за нами наблюдают.

Безволосый пожал плечами и щелкнул серебристой «Зиппо». Слишком нервно он это сделал – для извлечения пламени не требуются бычьи усилия.

– Ну-ка, дай, – протянула ручонку Валюша.

Просьба была необычная – все замерли. Безволосый нахмурился. С сомнением покопался на девочку, на зажигалку в руке и, видимо, не нашел причин отказать ребенку. «Зиппо» перекочевала в узкую длань. Валюша сжала кулачок. Затем подскочила к воротам, размахнулась – и швырнула. Неплохо развита, машинально отметил Вадим; до того, наверное, как ее не поперли из школы (или сама не сбежала), по физкультуре преуспевала... Зажигалка ударилась в верхний натянутый ряд, отскочила на соседний – контакт металла с металлом повлек интересный эффект – противно затрещало. Проскочила голубоватая искра с дымком. Зажигалка отскочила от стены и упала Валюше под ноги. Она присела на корточки, прикоснулась к ней – боязливо, как к мертвой гадюке. Подняв двумя пальчиками, швырнула в толпу.

– Лови, теплая!

Безволосый в молодые годы неплохо играл в лапту. Невозмутимо поймал свою «Зиппо», зачем-то понюхал, убрал в карман.

Тишину нарушало только завывание ветра в кронах деревьев. Сообразительность ребенка просто пугала. «Выпороть бы ее от души, – тоскливо подумал Вадим, – дабы излишки ума выбить».

– Я догадывался, я подозревал... – понесло красавчика. – Это электрический ток, сеть под напряжением, понимаете?... Закрытая зона, секретный объект... Чтобы чужие не вошли...

– И свои не вышли, – хихикнул очкарик. Но сам испугался своих слов и, стремительно бледнея, стал озираться.

– Вот мы и пленники, – обреченно, тоном, констатирующим отрицательный, даже провальный результат эксперимента, произнесла плотная дама.

– Ну что ж, – безволосый докурив сигарету, по привычке затушил ее слюной и прилепил к дверце автобуса. – Ну что ж, господа, ситуация становится в высшей степени любопытной. Не пора ли нам познакомиться?

«Да знакомы мы, знакомы!» – забилась раненой птицей под черепной коробкой у Вадима мысль...

Язвительную брюнетку звали Жанной Данович, о чем она поведала сквозь недавно отбеленные зубы (классическое русское имя, согласились крепыш с безволосым). Соседка Жанны по автобусу назвалась Ларисой Рухлядой – с брюнеткой она не знакома, сошлись с ней в унылом универмаге Славянки, не поделив последнего в галантерейной секции «крабика» для волос. По ходу препирательств дамы выяснили, что ожидают один и тот же автобус на Любимовку, обе приехали из одного города и обе истово ненавидят провинцию, амбициозно считая себя столичными жительницами (за Уралом, если кто не помнит, имеется собственная столица).

Безволосый с крепышом и вовсе познакомились у подножки автобуса, сойдясь на почве любви к сигаретам «Marlboro light». Первый отзывался на имя Борис Уралов (можно Борькой, без проблем), второй – на Максима Журбинцева (соответственно, Макса). Худощавого очкарика звали Колей Сырко, бородатого и вечно потеющего – Антоном Гароцким, красавчика – Володей Мостовым. Он снял, наконец, ненужные в середине сентября черные очки, показав обьятые ужасом глаза, и окончательно утратил облик мачо, представ обыкновенным трусом.

– Это смутно мне напоминает... – начал Вадим.

– Вы тоже мне смутно напоминаете, – перебил его Макс, – одного парня с военной выправкой, сошедшего сегодня утром с Н-ского поезда и отправившегося в пристанционный буфет. Он ехал во втором вагоне, я – в третьем. Бедняжка, подумал я тогда. В этом дурацком буфете парню предложат ледяной чай и очень неприятное обслуживание. А по его виду он не привык пить ледяной чай.

– Так оно и вышло, – согласился Вадим. – Но кипяток я успел набрать в поезде, а растворимый кофе ношу с собой, так что не пропал. Могу предложить – в термосе еще осталось.

Тут и вспомнили про холодное межсезонье. Первым запрыгал очкарик, лишенный теплой одежды и жировых запасов. За ним и другие с недоумением обнаружили, что не май на дворе, пора прятаться. За прошедшие четверть часа к компании никто не вышел. Мнения разделились – одни предлагали отсидеться в автобусе, другие – исследовать территорию, в частности, дом, отогреться, а заодно и прояснить по возможности ситуацию. В случае похищения обязаны иметься похитители, иначе как-то глупо и не по-людски. Первые резонно возражали, что в могилу никогда не поздно – едва ли похитители за дверьми готовят радушный прием с фуршетом. На что вторые не менее убедительно утверждали, что чему быть, того не миновать, температура в автобусе через час сравняется с температурой окружающей среды, и вообще, держать в нем оборону – это полный параноидальный бред. Решила за всех опять же Валюша. Никто не видел, как она исчезла. Девчонка крутилась подле автобуса, а затем ее куда-то унесли черти. Опомнились, когда распахнулась дверь на крыльце ротонды, и недовольный детский голосок сообщил:

– Эй, вы там зимовать собрались? А в доме, между прочим, тепло и никого нет.

Вадим поражался сочетанию в этой девочке пугливости и бесшабашной отваги. Кроме того, этот ребенок в суждениях и взглядах на жизнь мог заткнуть за пояс любого взрослого. Очевидно, последние в этой жизни крупно досадили Валюше, раз она взяла себе за правило обороняться от них всеми доступными ей методами.

В доме действительно было сравнительно тепло. Еще удивительнее было наличие электроэнергии, что наводило на мысль о дизель-генераторе, припрятанном где-то неподалеку. Нажатием выключателя активировались две маломощные лампочки – одна над дверью, другая слева – у деревянной лестницы. Дом не выглядел жилым. Если в нем и протекала жизнь, то довольно скрытая. Пахло плесенью и пылью. Облупленные стены напоминали тюремные. Холл представлял собой урезанный сектор окружности. Слева по дуге – окно с видом на беседку, в конце дуги – обшарпанная лестница. Справа от входа – стена с дверью, она заканчивалась уходящим направо коридором. В конце коридора имелась еще одна лестница, с нее неплохо обозревалась предыдущая, поскольку обе находились на одной линии. Второй коридор, перпендикулярный первому, насквозь просматривался от входной двери. Он завершался мутным, непробиваемым стеклом. Коридор отделял два глухих простенка, за каждым – помещения. Двери последних выходили в холл; одна практически у спуска со ступеней, другая напротив – на повороте к правой лестнице.

Протяжно скрипнув, двери отворились. Особых тайн убранство помещений не открывало. То, что слева, предполагало, видимо, кухню. Под решеткой с вентиляцией имелась допотопная плита со съехавшими к центру конфорками. При повороте рукоятки плита включилась, но нагревалась вечность. В шкафах и холодильниках – пустота («Мышь повесилась», – презрительно поджав губы, сказал Борька), лишь в одном из шкафов громоздилась пустая посуда, ржавые ложки, вилки, окаменевшая соль, да на подоконнике – пепельница в виде оскаленного черепа, набитая окурками двадцатилетней давности. Проржавевший кран с трудом повернулся – воды не было. Соседнее помещение когда-то служило столовой – здесь тоже не функционировал раковина, имелись три стола с толстым слоем пыли, разбросанные стулья. Пожелтевший календарь 83-го года – с целомудренной девичей в сарафане, обернутой вокруг березки. Последнее помещение на этом этаже вообще непонятно для чего предназначалось. Начиналось оно туалетом с неработающим унитазом (для чего комнатка, впрочем, понятно), а завершалось небольшим залом, вместившим в себя две ободранные тахты, кресло и тухлый длинный шкаф с пустыми полками. «Комната охраны», – предположил Макс Журбинцев, на что осталось лишь пожать плечами – охранять-то вроде нечего.

На втором этаже дела обстояли проще. Лестницы уходили дальше – на третий этаж. А между ними, в передней части здания, раскинулся обширный холл – пустой и гулкий. За лестницами и вместительным санузелом с загородкой для душа по хорде окружности тянулись четыре комнаты – абсолютно одинаковые сегменты круга с мутными окнами на задний двор, скрипучими половицами и остатками обоев на стенах. Дверные ручки кто-то свинтил, но проблем с открытием не было – тухлое дерево давно перестало представлять гладкую поверхность. В каждой комнате имелось по четыре кровати. Вариант почти армейский – типовые четвероногие лежаки со стальными дужками. Ни белья, ни матрасов – только ржавые пружинные сетки, издающие при контакте с телом душераздирающий стон. В изголовье кроватей – стандартные тумбочки (внутри ничего, кроме пыли), под кроватями – догнивающие половики. У дверей встроенные шкафы – сплошная затхлость, на потолке крючья от люстр, вполне пригодные, чтобы повеситься. Никаких лампочек, светильников, лишь черные от грязи выключатели образца семидесятых (сейчас такие и не делают).

– У меня дежавю... – простонала Лариса Рухляда, грузно оседая на кровать. Сетка затрещала. – У меня такое ощущение, что я была в этой комнате... – ее глаза опять наполнились слезами, подбородок дрожал. Жанна опустилась напротив, закусив губу, уперлась взглядом в окно. Она тоже что-то вспомнила. И упорно гнала воспоминания.

– Третий этаж на замке, – уныло бухнула Валюша, появляясь в комнате, где собрались почти все «пострадавшие». – Там две двери и обе железные.

– Вот именно, – за спиной девочки возник Борька Уралов, – эти двери можно только динамитом. Интересно, там что? Или кто?

Лариса опустила голову и съежилась. Комната страха – самое место для соплей.

– Влипли, – ругнулся красавчик Мостовой, – да еще и заплатили.

– Самое время подумать о деньгах, – согласился Макс Журбинцев. – А если присовокупить сюда билет на поезд, автобус до вокзала... или такси – это уж кто как добирался...

– Мы заплатили давно, – не обращая внимания на его иронию, проговорила Лариса. – Мы заплатили много лет назад и платим по сей день и будем платить, пока нас не сведут с ума одного за другим...

– Бредит, – вздохнул Гароцкий.

– Послушай, Кассандра ты наша, – разозлился Мостовой, – хватит капать на мозги, без тебя на душе тоскливо. Ну, давай разляжемся и начнем стонать, пока нас тут действительно не замочат. Выбираться надо, пока нет никого – подкоп рыть, напряжение отключать... Неужели нет никого, знакомого с электричеством? Не поверю. Я бы и сам попробовал, но я больше по радиodelу...

Он выдохся, замолчал и как был, в гневе, растрепанный, со сверкающим взглядом, раздувшимися ноздрями, так и замер, уставясь почему-то на Вадима.

«Видимо, считает, что я электрик», – подумал Кольцов.

Видок у Мостового в неистовстве был вполне эффектный. Даже Жанна, прикусив губу, вперилась в него с каким-то девчачьим интересом.

– Знойный мужчина, мечта поэтессы, – констатировал очкарик Коля.

Мостовой вздрогнул и посмотрел на Колю, как на ничтожество. Сырко стоически выдержал взгляд. Он тоже сидел на койке, набычась, сжав рот, и его очки в полутьме загадочно поблескивали.

«И этот непрост, – подумал Вадим. – Первый страх проходит, люди начинают демонстрировать свои качества».

– Ладно, горожане, не надо рыпаться, – объявил Уралов. – Все мы, как я погляжу, горазды на подколки и втайне верим в свою исключительность. Займемся из интереса чем-нибудь общественно-полезным. Идея номер один. Но сразу предупреждаю – бездарная. Пойдемте на улицу.

Голова у Вадима разболелась со страшной силой. Череп давило со всех сторон – до физической боли. В висках стучали молоточки. Кольцов знал – если бездействовать, голова превратится в огненный шар, поплывут круги перед глазами, и ему останется только соболезновать... Он машинально оттянул молнию на боковом кармашке сумки, бросил в рот горсть таблеток. Дикая боль настигала всегда внезапно – в среднем раз в месяц. Переносить ее на ногах – лучший вариант. А если рядом кровать, и нет воли сохранять вертикальное положение, то начинаются галлюцинации – его уносит в воспоминания, истинные и ложные, раздутые до крайностей, и тогда он запросто может лишиться сознания...

Вадим спустился во двор последним, когда Борька Уралов уже ковырялся в кабине автобуса, а остальные неприкаянно болтались без дела.

– У него получится, – вещал коренастый Макс, – Этот парень от скуки на все руки, не то что автобус – подбитый танк заведет.

– Готово! – выпалил из кабины Борька. Ему удалось, видимо, сцепить в раскуроченной панели нужные проводки: движок глуховато зарычал, заработал с перестуком, наращивая рев. Не давая ему заглухнуть, Борька щедро давил на акселератор.

«Бесполезно, – продираясь через частоколы боли, подумал Вадим, – мы не одни в этом лесу... И на этой территории не одни... За нами будут наблюдать, пока мы без толку копошимся. А попробуем сбежать, они выйдут из тени...»

– А ну, расходишь, честной народ! – гаркнул Борька, являя в окно улыбающееся лицо, – этюд со смертельным исходом, алле-оп!

– Ну уж хренушки, выходи, – Журбинцев распахнул дверцу. – Ты, мавр, свое дело сделал, так ступай к едрене фене. Доверься специалисту.

Борька вредничать не стал. Вылез из кабины и на вопрошающие взгляды «блокадников» охотно пояснил:

– Этот парень – каскадер... Не-е, ребята, правда, он сам в автобусе рассказывал. Помните мыло «Горячие денечки»? Как эфэсбэшник из самолета в море ахнул? У него там какие-то проблемы с главарем мафии образовались, ну, он и решил не дожидаться. Семьдесят метров – и с концами в воду. Это Максик наш трудился – по семьсот рэ за трюк.

«Бесполезно... – будто кто-то сверлом дырявил мозг. – Бесполезно, бесполезно... Не пробьет автобус стальные ворота – он не танк. Ему и разогнаться-то негде...»

Но хотеть-то не запретишь. Максим медленно повел машину, давя шиповник, протиснулся между беседкой и домом, какое-то время ворочался в «зеленке» за беседкой. Наконец грузно развернулся. Еще не миновал беседку, как двигатель взревел: словно всадник прищипорил коня – первая передача, вторая... Он выжал из машины все, что мог. Зрелище впечатляющее – наращивая скорость, автобус помчался к воротам. Удар был беспощаден, при таком не выживают, но за секунду до столкновения сжатое в пружину тело вырвалось из кабины и, кувыркаясь, полетело под забор – в заросли полыни.

Шлепок был смачный. Кабину расплющило, как пластилиновую, оставшуюся часть словно присоской прилепило к воротам. Последние устояли. Более того – всей своей на три четверти распотрошенной массой автобус перегородил ворота, создав желающим выехать дополнительные непреодолимые трудности.

Толпа издала возглас разочарования. Уралов помог подняться копошащемуся в кустах Журбинцеву.

– Давай уж руку, вредитель... Ладно, не расстраивайся, лучше тебя все равно никто бы не сделал. Я говорил – бездарная идея.

Головная боль окончательно озверела. От таблеток толк появится не скоро, через четверть часа, не раньше – если вообще появится. Народ принялся разбредаться, а Вадим уже не мог сохранять нейтральный вид. Как он оказался в помещении, нареченном Максом комнатой охраны? Машинально кинулся туда, где имелось ближайшее койко-место? Он растирал виски, но не помогало, Кольцов стиснул зубы и уткнулся в вонючий валик тахты. Когда за его исцеление взялась кудесница, он был уже почти никакой... Она заставила его повернуться на спину, взяла голову обеими руками, сжала какие-то точки за висками... И когда боль из пульсирующей стала тупой и ровной, принялась равномерно водить ладонями в прямой близости, посылая под корку импульсы «противоядия». Вадим открыл глаза, увидел свою блондинку – Катю Василенко. Она еще не завершила процедуру. Личико было бледное, сосредоточенное, руки работали, совершая над макушкой больного загадочные пассы. Из-за плеча блондинки выглядывала любознательная мордашка Валюши.

– Вам легче? – озабоченно спросила Екатерина, не прерывая манипуляций.

Вадим разлепил губы:

– У вас попугай на плече, вы знаете?

– Знаю.

– Сам ты попугай, – оскорбилась девчонка.

– У меня на месте головы – паровозная топка. Но сейчас уже лучше, Катюша, спасибо. Вы врач? У вас так здорово получается, просто не верится. А я всегда считал, что врачи не лечат, а зарабатывают...

– Я менеджер турфирмы «Баттерфляй», вы забыли, а ведь я вам говорила.

– Сбойчик в программе, – ехидно хихикнула Валюша, – глючит, как наркоша, и памяти осталось на два дырявых байта. Я вам тут не мешаю, ваше нежнейшее величество?

– Да черт с тобой, оставайся, – пробормотал Вадим. – Но только не в качестве семейного уроды. И крыльями поменьше хлопай. – Он, сдерживая дыхание, приподнялся – боль стихала, вместе с болью угасала долбежка под черепом – словно поезд, уходя, постукивал по стыкам рельсов.

– Ужаснейшая штука, эта головная боль, – убирая со лба руку, вздохнула Катя. – У меня такие же приступы. Как по заказу – раз в два месяца. Сама себя врачую. У вас прошло?

– Бесследно, – пробормотал Вадим, вслушиваясь в последние «паровозные гудки». Удивительные дела творятся в этом доме...

«Идея номер два» по эмоциональности и накалу страстей не уступала первой.

– Я не знаю, какой там ток пропущен по проволоке, – объявил Борька. – Триста пятьдесят вольт, пятьсот или сорок тысяч, но замкнуть можно все, что угодно. Если соединить все три провода – а это либо три фазы, либо ноль и две фазы – произойдет короткое замыкание, выбьет трансформаторы, и линия, соответственно, обесточится. Не знаю, какой от этого прок, перелезть через спираль мы все равно не сможем, но попытка не пытка, верно?

– Мы попробуем взлететь? – удивился Макс.

– Попробуем, – кивнул Уралов. – Я вижу два варианта в создавшейся ситуации. Замкнуть проволоку длинным штырем или притянуть верхние провода к нижнему. Первый вариант – непроходной: во-первых, нет штыря, во-вторых, этот номер можно провернуть, только сидя на стене, свесив ножки. Для второго варианта тоже нужно найти подходящий инструмент, но это реально.

Сказано – сделано. В результате недолгих поисков из-под крыльца был извлечен обросший плесенью садовый инвентарь: две лопаты, грабли, ржавое ведро с лягушкой.

– Отлично, береза – самый подходящий материал, – сказал Борька, берясь за черенок граблей. – Пробойный предел – сорок тысяч вольт на миллиметр площади – практически безвредно. А теперь давайте подумаем, как взлететь.

Взлетал Борька довольно неуклюже. Из столовой совместными усилиями приволокли стол – массивный и прочный – и приставили к стене. Журбинцев уперся руками в стену в позе «братка», прибранного омовцем, Вадим и Мостовой стали помогать Борьке взойти на плечи Макс, а остальные стояли в качестве благодарных зрителей.

– Хреново у вас получается, – комментировала антрепризу Жанна, – синхронности не хватает. Мостовой, ты не сачкуй – посмотрите на этого лентяя, девоньки! Ты нормально держи, за задницу. Брезгливый какой. И ногу поставь – видишь, у Макса пятка скользит...

Самое противное заключалось в том, что тоководное ограждение ниспадало «елочкой». Верхний ряд служил макушкой, последующий отступал от вертикали, третий уходил еще дальше. Вытянувшись во весь рост, Борька легко цеплял верхний ряд, но тянул его в пустоту. Для зацепа следующего требовалось подняться выше, чего он сделать из положения, в котором оказался, не мог. Несколько раз он пытался натянуть провод, но очень быстро вспотел.

– Все, не могу... – отдуваясь, Борька опустил грабли.

– Бросай... – прохрипел Макс. – Ты не баба, держать тебя часами... Мне и бабу-то держать невелика охота...

– Слезай, Борис, – поддержал Вадим, – мартышкин труд. Ну, замкнешь ты эту проволоку – все равно не перелезем. Надо переправу из фуфаек мостить, а где мы их возьмем? А у нас женщины...

Не успел он договорить – Уралов уже сполз. Грабли полетели в одну сторону, сам в другую. Свалился он не очень изящно, но неплохо – Вадим успел поддержать, и Борькин затылок не пострадал. Мостовой даже пальцем о палец не ударил, чтобы помочь, – стоял и злобно

фыркал, выражая недовольство видением дел. «При чем тут бабы, – красноречиво говорила его физиономия, – самим спастись надо, не до баб...»

Идея номер три в интерпретации Борьки звучала следующим образом: не гнать коней по бездорожью, а сесть за стол и обсудить положение вещей. Тарарам с автобусом не произвел впечатления на скрытых злодеев. Дом молчал. И лес помалкивал. По истечении полутора часа, когда стало очевидно, что явление хозяев откладывается и дальше, «гости» собрались в столовой. У кого имелись съестные припасы, выкладывали в центр стола. Горка получалась приличной, но какой-то бесполезной. Лимонад в пластиковой бутылке, остатки пива «Крюгер», несколько пачек печенья; Вадим выставил термос с кофе, Лариса – пирожки с печенкой, Мостовой, помявшись, присовокупил к «общаку» аккуратно нарезанные бутерброды с салом, а Коля с Катей, словно сговорившись, – по полпалки одинакового сервелата производства одного и того же мясокомбината.

– Не густо, – посетовала брюнетка Жанна, завершая натюрморт сыром «Хохланд» и крохотной упаковкой персикового нектара.

– Не густо, – согласился Макс, – зато имеем возможность подвести первые итоги.

– А что тут подводить? – всколыхнулся Мостовой, весьма остро отреагировавший на потерю сала. – Жратвы нет, воды нет, тепла нет, освещение только в холле, выйти нельзя, сотовой связи нет, и вообще я не понимаю, где я...

– А через пару часов стемнеет, – добавил очкарик, вороша спутанную шевелюру.

– Сотовая связь действительно не работает, – невозмутимо подтвердил Борька, – по крайней мере, у меня и Мостового. Остальные проверили? Сомнительно, согласен, лично мой роуминг распространяется только на Томск, глюкомань вообще не в счет...

Все молчали. Имеющие мобильники давно убедились в отсутствии связи. Да и кому звонить? Родным? – «Ах, родные, мы тут влипли в историю...» Или в томскую милицию? – «Приезжайте скорее, господа омоновцы, мы не знаем из-за чего, не знаем почему вдруг пали жертвой дурного розыгрыша, вам случайно не известен лесной массив между Славянском и Любимовкой – всего-то верст сто, если поперек. Ехать мимо елочек, спросить у дятла...» Бред. Ни один службист в Российском государстве, будь он даже трижды порядочный, не пойдет на это сомнительное предприятие. А что говорить о непорядочных, которых большинство?

– Понятно, – расценил молчание Борька, – можете выбросить свои железки и забыть о техническом прогрессе.

– И все же здесь кто-то есть, – опять стал гнуть свою линию бородатый Гароцкий. – Повторяю для тех, кто расслабился: водитель не отправился пешком в обратную дорогу. Он что, скороход? Как открылись ворота? Тот же самый водила – воспользовался пультом при подъезде к объекту? Чушь собачья – не было у него никакого пульта. И самое интересное – кто поднял шлагбаум в лесу? Автоматика? Система распознавания «свой-чужой»? Извините, но здесь не Форт-Нокс...

– Послушайте, накормите, в конце концов, ребенка, – не выдержала Жанна. – Она проест глазами все наши припасы, а потом возьмется за нас.

– Да-да, – кивнула Валюша.

– Перебьется, – нахмурился Вадим, – наберись терпения, Валентина. Прошло совсем немного времени с тех пор, как мы сели в автобус. Будешь есть вместе со всеми. Правильно я говорю, Катя?

Блондинка зарделась. Она совсем забыла, как родила и взлелеяла в автобусе это беспутное чадо.

– Ну, я не знаю, Вадим...

– Бедное создание, – покачала головой Жанна, – с такими приемными родителями долго не протянешь. Лично я бы сбежала уже к обеду.

– А куда тут сбежишь? – хмыкнул Борька.

– Послушай, Кольцов, – оголодавший ребенок желал заполучить свое, – а почему ты не спросишь, когда я ела последний раз ДО ТОГО, как села в автобус?

Вадим невольно стушевался. Ему совершенно невдомек было, где и сколько бродяжил этот несносный ребенок. Он с резонным городским простодушием считал, что опрятная ухоженная девочка должна быть сытой.

– На, ешь, – подпихнул Вадим к краю стола пачку печенюшек-розочек, – до лимонада сама дотянешься. Пиво не тронь. И не чавкай.

– Боже, – вздохнула Жанна, – какие штампы. Своих детей, конечно, не имеется, Вадим?

– Пронесло, – он перехватил настороженный взгляд блондинки. – Не родили как-то на скорую руку.

Чего нервничаем? Ах, уже не нервничаем.

– Вот и не заводи.

– Мы отвлеклись, – пропыхтел разогнавшийся Гароцкий (Вадим уж начал подозревать в этом потном еврее классического зануду). – По всем приметам, за нами наблюдают. При этом третий этаж заперт, подвал не поймешь где, а суженность пространства в районе левой лестницы – надеюсь, вы заметили? – явно противоречит внешним параметрам стены. Можно допустить так – из подвала на третий этаж ведет потайная лестница. А из «овощехранилища» на улице – проход в подвал. Это не противоречит образу закрытого объекта, напротив, способствует. Вспомните, спецслужбы любят подобные штучки. Таким образом, сохраняется теоретическая возможность слежки за нами. Предлагаю до поры до времени опустить вопрос, кому понадобилось за нами следить...

– А еще лучше это делать, находясь среди нас, – брякнул Вадим.

Толстяк прервал свое программное заявление. Валюша громко поперхнулась розочкой.

– А ты к чему это сказал? – спросил Коля, блеснув очками. Журбинцев хлопнул Валюшу по спине. Вадим с усмешкой оглядел уставившийся на него народ.

– Да так, навеяло. Посудите сами – очень удобно. Если кому-то действительно хочется за нами наблюдать. Много ли разглядишь с третьего этажа? Лично я не вижу здесь ни одной видеокамеры.

Вадим правильно сделал, что сморозил эту глупость. Может, и не глупость. И реакция была интересной. Валюша посмотрела на него со щенячьей преданностью – мол, знай наших, так держать, Кольцов! (Она воспринимает этот ужас как развивающую игру, догадался Вадим.) Побледневшая Катя как-то ненароком отодвинулась от Коли Сырко, который вдруг помрачнел, стянул очки и принялся их протирать о колено. Борька Уралов с Максом особенно в лице не менялись, но как-то странно переглянулись. Макс откашлялся, однако высказываться не стал. Борька заскреб ногтями по столешнице, потом потянулся к сигарете. То же самое проделала Жанна, – медленно прикурив, бросила на стол пачку, положила ногу на ногу и откинулась на спинку стула. В холодных глазах появился блеск стали. На прочих она не смотрела – их реакцию она представляла. Только на Вадима – не мигая. «Любопытно, – подумал он, – я интересен ей как распространитель вредоносной крамолы или еще почему-то?»

Остальные откровенно перепугались. Про Рухляду и говорить не стоило – если бы от страха в самом деле умирали, она была бы первой. Практически парализованная, Лариса не шевелилась, только ресницы над огромными коровьими глазами бешено дрожали. Гароцкий традиционно вспотел; Мостовой стрелял глазами в присутствующих, пытаясь сообразить, правильно ли он понял слова Кольцова и почему ему так страшно.

– А еще некоторым кажется, что они здесь были, – негромко продолжал Вадим. Не стоило замыкаться на одной теме, – необычное дежавю, согласитесь. И не только Рухляду – многих из нас терзают сомнения, но они не признаются, а судорожно ищут причину, в чем дело. Охотно

причисляю себя к последним. Да, я убежден – это уже происходило. Дом, кровати наверху, выщербинка в лестничных перилах, как будто две параллельные насечки, выбитые крупным зубилом...

– Это не дежавю, – высказался определеннее Макс. Он смотрел в стол, предпочитая не показывать глаза, в которых поселился ужас.

Вадим сглотнул.

– А еще некоторым, не будем показывать на них пальцем, кажется, что мы... знакомы. Не все и не со всеми и... не совсем с теми людьми, что здесь сидят...

– Сам-то понял, что сказал? – удивилась Валюша.

– Главное, чтобы другие поняли. А они понятливые, у них развеялись последние сомнения.

– Ну, тогда я набитая дура, – пожала плечами Валюша.

– А это твоя личная проблема. Ну так что, господа... – тишина угнетала, Вадиму хотелось говорить. – У кого тут не развеялись последние сомнения? Пройдите наверх. Пойдите у окна с видом на двор. Посидите на кровати, откройте тумбочку, встаньте голыми ногами на половик под кроватью. Эффект дежавю обещаю. Да что вы, в самом деле, скромничаете, господа? Мы с вами одного возраста – кому-то тридцать три, кому-то тридцать четыре. Так и должно быть. Давайте признаемся – да, нас снова собрали вместе. Неприятное обстоятельство, но пока ничего летального, расслабьтесь.

– Не-е, ни хрена не догоняю, – протянула Валюша. – Ты хочешь сказать, вы знакомы друг с другом?

– Более-менее.

– И не помните?.. Послушай, Кольцов, ты из меня полную-то идиотку не делай. У ребенка без вас жизнь тяжелая, так мне еще и в ваши отношения вникать?

Кто мог, улыбнулся. Особенно это удалось Борьке, чей зловещий череп от натянутой улыбки стал вылитым «Веселым Роджером».

– Это было так давно, деточка, – утробно проворчал Борька, – двадцать с лишним лет назад. Все эти дяди и тети были маленькими детьми. А этот дом, будь он неладен, назывался школой...

Тишина царилла безупречная. Даже ветер в тайге на время стих. По оконной раме карабкался огромный бледно-серый паук. Не очень хорошая примета.

– И вы забыли о том, что с вами было? – недоверчиво спросила Валюша.

– Ну, как бы да, – кивнул Борька. – Остались отрывочные воспоминания, неясные образы, ночные глюки, головная боль. Сужу, впрочем, по себе.

– Ужасная головная боль, – поправил Вадим.

– И ничего конкретного. Кошмарный детский сон – ни черта о нем не помнишь, но вроде был.

– Чудеса в решете, – Валюша почесала макушку вместе с помпоном. – Вы хотите сказать, через двадцать лет я забуду и вас, и эту берлогу, и автобус, и то, как вы тут парили мне мозги? Да вы что, смеетесь?

– С тобой иная ситуация, девочка, – подала голос «роковая» брюнетка. Вопреки ожиданиям, ее голос потеплел. – Мы были младше тебя. Твои мозги не подвергали психологическим нагрузкам, не выжигали память, не гипертрофировали, доводя до абсурда всего лишь одну грань твоей многогранной сущности. Она ведь у тебя многогранная, да?

«Ну вот и все, – тоскливо подумал Вадим, – ОНО вернулось...»

А ведь он кривил душой. Лукавил с самим собой. Изначально, еще до приглашения в областное управление ФСБ, он понял: прошлое возвращается. Это плохо – когда не помнишь

прошлого, но боишься его каждой клеточкой тела. Он пытался вытравить воспоминание за время многолетней службы в армии – не вытравил. Он чувствовал интерес к своей персоне. Спиной чувствовал. То отмечаясь ежемесячно в окружной комендатуре, то покупая сигареты в киоске, то входя во двор, где плотно сидели старушки. Даже в теткиной квартире, временно приспособленной под жилье... Звонок из ФСБ лишь подтвердил его опасения. «Зайдите, пожалуйста, такого-то числа в кабинет номер двести пять. Пропуск вам выпишут. Если вас, конечно, не затруднит». Обязательно затруднит, но кому это интересно? Кабинетик был небольшой, стильно обставленный. Чекист невысок, невзрачен, рукопожатие крепкое. О нем здесь знали – о службе в 76-й дивизии ВДВ, о неудавшейся семейной жизни, о боевых заслугах, о длительном в связи с ранением отпуске, в котором ему еще пребывать и пребывать. «Уважаемый Вадим Алексеевич, товарищ лейтенант, – голос не вкрадчивый, располагающий к доверию, – двадцать лет назад вы стали жертвой бездумного, вредного, совершенно бессмысленного эксперимента. Московскими товарищами проведено расследование, в деле поставлена точка. Скажите спасибо одному бывшему воспитаннику этой, с позволения сказать, школы. Он нанял ловкого адвоката, сумевшего доказать моральный ущерб. Отныне вам положена солидная денежная компенсация и ряд льгот со стороны государства. Поздравляем, Вадим Алексеевич. Вам предстоит обратиться в институт психологической коррекции при НИИ мозга для краткого медицинского обследования и составления необходимых документов. Данный институт занимался вами в 82-м году, и только его заключение имеет юридическую силу для подготовки требования на возмещение. В институте до сих пор хранится ваше досье, уж не взыщите. Но вам совершенно незачем волноваться – это пустая формальность, без которой, увы, дело не сдвинется с места. Базовый НИИ располагается в Томске, а институт психокоррекции, к сожалению, в районном центре Любимовка – ну, вы понимаете, у нас всегда такие «тихие» организации формировали подальше от людских глаз. Сейчас это предприятие полностью перепрофилировано. Вам подскажут, как туда добраться (и подсказали – двухчасовым автобусом из Славянки). Однако нас уже торопят – вас не затруднит появиться в институте 16 сентября, в понедельник, то есть через два дня?.. О какой сумме, вы спрашиваете, может идти речь? Простите, Вадим Алексеевич, я не бухгалтер, моя должность гораздо скромнее, спросите об этом у сутяги-адвоката, он сегодня на коне – целое НИИ «обул», но, думаю, речь идет о нескольких тысячах долларов. Распишитесь, пожалуйста, в том, что вы ознакомлены»...

Кольцов вышел из кабинета с твердой решимостью: еду. И уже через тридцать шесть часов, по мере удаления от родного края, с изумлением подумал – ловцы человеческих душ не зря едят свой хлеб. Они талантливые проводники требуемых идей – не мытьем, так катанием, не убеждением, так гипнозом. В том вагоне и включилось пресловутое «чувство опасности», которое он впоследствии безжалостно изгнал, поскольку нуждался в деньгах и больше всего хотел поставить ТОЧКУ!

С той же легкостью купились остальные – даже обеспеченные. Невзрачный человек из 205-го кабинета умел убеждать. Это не был гипноз в чистом виде, он никого не усыплял, но действовал превосходно. Никто не усомнился, что человек говорит только правду и ничего, кроме правды, плюс дополнительный крючок с наживкой – денежная компенсация (не слишком большая, чтобы не спугнуть, и не слишком маленькая, чтобы ею пренебречь). Он пропустил всю компанию поточным методом – 12 и 13 сентября, назначая каждому индивидуальные часы, естественно так, чтобы люди не встретились друг с другом.

– Черт, – сплюнул в сердцах Борька, – нас тупо переиграли. Как удобно – не надо насильственных мер, сами прибыли. Да еще и в один день, гуртом, практически на блюдечке – кушайте нас.

– Подожди, – поморщился Вадим, – самокритику потом. Нужно приблизиться к главному – зачем нас снова собрали ЗДЕСЬ? Не проще ли свести всех нас в подвале здания, где нам пудрили мозги, а не заставлять тащиться в тридцатое царство?

– Логично, – взъерошив волосы, согласился Коля, – свистать всех в подвал. Твои предложения?

– Нам нужно вспомнить ВСЕ о своих днях в этих стенах. Не ночные кошмары, а реальные события. Пусть обрывки. Что мы делали, чему нас учили, а главное, чем это закончилось. Воспоминания каждого – ничто, но если их суммировать, получится картинка. Она поможет понять, для чего нас здесь собрали.

– А нам это надо? – злобно фыркнул Мостовой. – Мы сидим тут, говорим по душам. А через минуту... они войдут, и эти наши воспоминания можно сливать в унитаз.

– Нет, Вадим прав, – кисло заметил очкарик. – Войдут, так войдут, будем шумно удивляться. Но мы не можем сидеть и смиренно ждать, пока это случится. Нерационально.

– И просто пресно, – зевнула Жанна.

– Много не скажу, – хмуро бросил Макс, – мы были в своей возрастной группе белыми воронами. Одаренные ребята, отобранные по ряду параметров для научной темы. Кто курировал работу, думаю, не загадка. Любой закрытый институт, любая секретная лаборатория так или иначе упиралась в КГБ. Или в ГРУ.

– Поздравляю, – ядовито заметила Валюша, – вы у нас, оказывается, юные дарования, – пачка с печенюшками, похоже, лишь обострила у нее чувство голода, что и вылилось в убийственный сарказм. – И по какой же части вы у нас вундеркинды? Скрипачи, художники? Бандуристы? Юные Моцарты, Нади Рушевы и Аркадии Гайдари, которые в четырнадцать лет командовали конными дивизиями?

– Не в четырнадцать, а в шестнадцать, – поправил Макс, – и не конными дивизиями, а пешим полком, причем хреново командовал. У меня серьезное опасение, господа, что если мы не съедем эту очаровательную крошку, она съест нас.

– Съедем, – успокоил Борька. – Жратва завтра кончится, там и разделим.

– Помолчи, Валюша, – оторвался от дум Вадим, – уважай взрослых хотя бы для виду.

– Я давно молчу и уважаю, – пожала плечами девчонка. – Сиж, слушаю, горжусь вами. Не каждый день попадаешь в компанию непревзойденных.

«Боже, – думал Вадим, – душить детей жестоко, но надо же с ними что-то делать!!! Кто это сказал? Хармс?»

– Подождите, – вернулся с заоблачных высот Коля Сырко, – вы отвлекаетесь от темы. Мне кажется, каждый из нас был одаренным по-своему. Если я увлекался компьютерами – тогда они еще назывались ЭВМ, – то не помню, чтобы кроме меня кого-то еще замыкало по этой линии. Я помню двух учителей – мы занимались индивидуально – не помню их лиц, но вижу глаза – у одного колючие, у другого пустые с каким-то скользким взглядом... Двадцать лет меня пытаются их глаза... Уже будучи взрослым, я понял – один из них был моим психологом, другой – технарем... – Коля замолчал, глаза поблекли.

Через час на тайгу спустились сумерки. Свет в оконце померк, резче стала чувствоваться затхлость. Никто не замечал. Люди жили прошлым, погружаясь в него, как в болотную трясины. Поначалу выдавливали из себя слова, но вскоре осваивались, втягивались, освобождаясь от комплексов. Из слов складывались фразы из обрывков воспоминаний каждого участника забытой драмы – единая картина...

Прошлое поросло быльем. Никто уж не скажет, в чью большую высокопоставленную голову пришла идея создать дрессированную группу одаренных детишек. Воспитать, взлелеять, сплотить в неразрывный дружный коллектив... и выбросить за ненадобностью. И весьма напрасно – тот же Гиммлер в тридцать девятом нашел бы применение такому коллективу. И Хрущев бы нашел, и оба Буша, и Саддам Хусейн. Но только не наши. Дряхлеющие советские товарищи сами по себе были боги – им конкуренты не требовались. Идея, безусловно, шла из центра, однако реализацию поручили местным товарищам. Сибирь издавна считалась исключительным полигоном для «человеческих» испытаний – тихо, далеко и контингент подходя-

щий: от элиты интеллигенции до замшелого отребья – эзков, бичей, сектантов. И одаренных ребятшек здесь хватало – хоть лопатой гребь. Отбор был тщательный, мам и пап заранее обрабатывали, обещав невиданные блага чадам: единственный в Сибири элитный интернат, эксклюзивное обучение, прямая дорога в МГИМО... Если мамы и папы ерепенились, их чад оставляли в покое – находили других, поле выбора бескрайнее. Хватило одного города с миллионным поселением. Помещения нашлись в Томской губернии – в 70-е годы в экстазе гонки «разоружения» понастроили множество закрытых объектов – от специализированных центров «психокоррекции» и «психохимических» лабораторий до подземных заводов по сборке боеголовок. Дети не помнили, как попали в школу. Об этом позаботились наставники, а по возвращении домой – напуганные родичи. Остались мутные обрывки о пребывании на «даче»; свидания с родными – детей сажали в нарядный автобус и везли в ближайший райцентр, где мамы умилялись, глядя на своих сытых, хорошо одетых и явно поумневших детенышей. Коля Сырко уже тогда был помешан на электронике. В 81-м году в возрасте десяти лет это дитя Винера из ничего собрало действующий компьютер! Какие-то бракованные платы отец приносил с завода, что-то Коля покупал; остальное подбирал на свалках «Электроагрегата» и завода радиодеталей. Он заткнул за пояс тогдашние популярные «Бейсик», «Алгол», «Фортран», создав легкий и универсальный язык программирования «Чайка» (сам назвал). Ни одна новинка в зарождающемся мире компьютеров не проходила мимо Коли. Он подписался на все тогдашние журналы по ЭВМ, ориентировался во всех без исключения новшествах. Чем занимался Коля по ночам, тоже можно представить. И неизвестно, как скоро бы он тронулся рассудком, не загреми в «спецшколу»... Через полгода он вернулся домой другим человеком – сгорбленным и рано повзрослевшим. Но страсть не утихла. К сожалению, Коля родился под несчастливой звездой. Не обладая организаторскими способностями, он валил дело за делом, учрежденные им фирмы рушились на вторую неделю работы, его кидали все кому не лень, и кончилось тем, что в полном безденежье Коля добрался до должности младшего программиста в техотделе корпорации «Сибкомп», где и собирался скорбно досидеть до пенсии.

Володя Мостовой считался гением в радиотехнике. В четыре года будущий «мачо» собрал свой первый детекторный приемник, в десять распаял и вновь спаял папину «Спидолу», за что был выпорот, в двенадцать модернизировал львовский телевизор «Электрон», превратив его в безламповый аналог импортного образца 21-го века, из-за чего и попал в Томскую губернию. В тридцать четыре года телевизор бы он уже не собрал, но зато являлся вторым директором компании «Глобальные телесистемы» и очень неплохо жил.

Максим Журбинцев в розовом детстве срывал аплодисменты в спортзале. Гуттаперчивое, не ведающее усталости тело, – сотни подтягиваний на турнике, тысячи отжиманий с одного подхода; абсолютный чемпион района в беге и прыжках. Призер турниров по акробатике, плаванью, спортивной гимнастике. Естественно, устроители акции не могли обойти такой сгусток клокочущей энергии. Вернулся Макс изрядно помрачневшим, раздавленным. Насилу доучился в школе, поступил в политех, умудрился его окончить, да так бы и закис где-нибудь в проектной шарашке, не подвернись старый приятель, ставший режиссером. Теперь Макс периодически летал в Москву, под прицелом кинокамер падал с небоскреба, катился с обрыва, взлетал на машине над городом, а получив деньги, удалялся в родную Сибирь, где их и проматывал. То есть Макс не процветал. Но к этому стремился.

У Борьки Уралова с пеленок обнаружилась тяга к автомобилям. К одиннадцати годам он проштудировал все имеющиеся в стране журналы «За рулем» и собрал действующую модель автомобиля «ЗиС», заказав шпунтики и шпенделечки для нее дяде Пете – старому пьянице, работающему мастером в ЖЭУ. К сожалению для потомков, с пеленок у Бориски обнаружилась не только тяга к технике, но и безалаберность, а также разгильдяйство. Поэтому к текущему моменту он не стал родоначальником принципиально нового российского автомобиля,

от которого бы ахнул мир, а держал банальный автосервис, жил с женой в двухкомнатной хрущобе и мечтал о деньгах.

У печальной домохозяйки Ларисы Рухляды с молодых ногтей талант был вообще аховый – она предсказывала будущее! Не всегда, не всем, частенько ошибалась, но тенденция прослеживалась. Ничего не могла с собой поделаться: посмотрит на человека – и в слезы: дескать, скоро этому дядечке станет больно, а потом совсем ужас – соберутся люди и тоже станут плакать. Таким нехитрым образом она предсказала смерть родному дяде, его сынуле-наркоману, пообещала соседу скорый пожар на даче, а его жене – большую чистую любовь, вследствие чего и была благополучно выдворена из отчего дома – для дальнейшего совершенствования. По возвращении Ларисе строго-настрого запретили ворожить, да она и сама чувствовала – способности теряются. Все реже в присутствии людей Ларису охватывал животный ужас, частил пульс, и трясло, как припадочную. Все реже оживали в мозгу картинки, где присутствуют человеческое горе и кладбища. Но страх не покидал. Она боялась людей – нигде, по сути, не работала, а едва подвернулся приличный муж, стала вести затворнический образ жизни. Замужем она была уже несколько лет.

Брюнетка Данович обладала фотографической памятью плюс уникальной способностью совершать в уме математические действия. Любые. Вплоть до высчитывания синуса заданного угла и решения задач нелинейного программирования. Замкнуло ее лишь на теореме Ферма, которую Жанночка, естественно, доказать не смогла (а кто бы смог?), что ее бесконечно расстроило. И в четырнадцать лет она с облегчением рассталась с математикой, заявив окружающим, что ей «в другую сторону», а лавры потерпят. Кто-то ведь должен и горшки обжигать. Но амбиций у Жанночки было больше, чем у Наполеона. Поэтому профессию она себе избрала гордую и денежную: владела сетью оздоровительных центров города и области, где правила железной рукой. Жизнь удалась, откуда взяться сумасбродству? Ее взбесило собственное поведение – бросить все, купить билет на занюханный поезд да рвануть неизвестно куда, где туманы, запахи тайги и люди не живут. Словно не она принимала решение, а некий подлый бес, сидящий в ней.

Антон Гароцкий щелкал ребусы. Оттого и вышел из него зануда, раскладывающий по полочкам все, с чем сталкивался. В то время, когда мальчишки во дворе дрались и ломали деревья, Антон разгадывал головоломки в журнале «Наука и жизнь». Умение мыслить логически и огромный интеллект позволяли ему это делать влегкую, независимо от направленности загадок: логических, языковых, математических. В двенадцать лет Антон был представлен некоему седовласому светилу – профессору логики из СО РАН – с подробным докладом о необходимости пересмотра канонов науки о способах доказательств и опровержений. Старичок умилился, а за Антоном через месяц явились люди в штатском и увезли друга парадоксов в неизвестном направлении из Сибири в Сибирь. Как и большинство жертв «спецшколы», сияющих высот в жизни Антон не достиг. Опустошенный морально, он окончил Институт народного хозяйства, лет пять мыкался по мелким конторам, пока не нашел свой потолок: место аналитика в отделе планирования продаж продуктово-посреднической компании.

О способностях Кати Василенко уже можно было догадаться: экстрасенсорика. Но и с этой особы за двадцать лет городской жизни «дары» природы осыпались, как штукатурка. От повышенной чувствительности осталась только целебная энергетика в виде слабых импульсов, которые в редких случаях Катя выдавливала из подушечек пальцев. Иначе говоря, она снимала боль. Не ахти какой талант, тем более, если пустить его не на добычу пропитания, а на благородный альтруизм, да и тот она сознательно зарывала в землю. Очень хочется быть, как все, лаконично объяснила Екатерина.

– Так будь ею, – проворчал Вадим, – дело-то нехитрое. Но не забывай, Кать, когда ты помогаешь людям, Бог видит и однажды воздаст тебе за твою доброту.

– А чем порадует нас последний герой? – осведомился Уралов, открывая об угол столешницы пробку с бутылки – не вынесла душа. – Уж не думаете ли вы, мин херц, увильнуть?

– А мне скрывать нечего, – с вызовом ответил Вадим. – Сногшибательными талантами, по великому счастью, не обладаю. Заурядная личность. Чем приглянулся кураторам этой «спецшколы» – ума не приложу. Говорю искренне. Учился в Н-ском архитектурном институте. Зачем туда поступил – сам не знаю; очевидно, хотел податься по стопам покойных родителей. Прилежанием в учебе не отличался. Отчислили с четвертого курса и в двадцать два года загремел в армию. «Случайно» вскрылось, что обладаю хорошим здоровьем. О головных болях не распространялся. Служил в Псковской десантной дивизии; как раз началась Первая чеченская война, участвовал в штурме Грозного...

– О, боже, – пробормотала Катя, а Валюша беззвучно приоткрыла ротик.

– Псковская дивизия в тот январь понесла серьезные потери, – уважительно заметил Макс.

– Сто двадцать человек, – вздохнул Вадим, – по официальным данным. А сколько пало в действительности, лучше промолчим... Отделался контузией. В общем, выжил. Остался на сверхсрочную. В девяносто седьмом по личной рекомендации командира дивизии гвардии генерала-майора Семенюты Станислава Юрьевича поступил в Н-ское общевоинское командное училище. В 2001-м закончил, вернулся лейтенантом в дивизию. Еще не отгремела Вторая чеченская... Боевые командировки, занимал должность командира взвода разведроты, участвовал в ноябрьской операции по уничтожению Шамиля Ирисханова – ближайшего друга Басаева, работал в Аргуне – там под Новый год наши провели несколько успешных спецопераций...

– Ты вроде женатый был, – заметила Катя.

Вадим поморщился.

– В училище женился, – признался он неохотно, – привез жену с собой в дивизию. Развелся в 2002-м...

– Да уж, о себе ты не любитель рассказывать, – усмехнулся Борька.

– Да нет, никаких секретов, – отмахнулся Вадим. – Жилье было. Просто характерами не сошлись. Да и образ жизни у меня, знаете ли, еще тот. После училища в боевых действиях участвовал немного, хотя и пришлось поколесить. Последняя боевая операция – ликвидация наемников аль-Гамида в горах у села Автуры. Январь текущего года. Был тяжелый бой, потеряли много наших... – Вадим помялся. – Получил ранение... Да чего там, – он скрипнул зубами, – кое-как выжил. По кусочкам в госпиталях собирали. Три месяца лечения, два месяца реабилитации, санаторий под Кисловодском. Душа не выдержала – сбежал из здравницы. Но какой из меня тогда вояка? Отправили в отпуск по ранению. Сейчас живу в Н-ске, в квартире покойной тетушки, в ноябре формально мой отпуск кончается. Вроде оклемался, раны худо-бедно зажили...

– Поедешь дальше служить? – поежилась Катя.

– Поеду, – пожал плечами Вадим, – мы люди подневольные. Да, если честно, ничего другого не умею. Поздно переквалифицироваться в гражданские. На боевые операции, понятно, уже не отправят, буду салаг обучать военному делу. В Черехе – это поселок под Псковом, где стоит наш парашютно-десантный полк, – за мной зарезервирована сносная квартира...

– Ты и с парашютом умеешь прыгать? – зачарованно прошептала Валюша.

– Ерунда, – усмехнулся Макс. – У них в дивизии даже свинопасы с хлебобезами умеют прыгать с парашютом. Гораздо труднее прыгнуть БЕЗ парашюта.

– А за какие, интересно, заслуги ты был причислен к нашему братству? – хмыкнул Коля Сырко.

Очень трудно было что-то предположить. Вадим долго колебался.

– Я не верю своим воспоминаниям, поскольку не знаю, где память, а где воображение. Проще ориентироваться на сны – там присутствуют законченные эпизоды. Правда, сны частенько перебиваются рекламными роликами, – он бледно улыбнулся. – Новое слово в сновидениях, да?.. – они мутны, двояки, но именно они – отражения пережитого... Я рисую, высунув язык, какие-то картинки, а напротив сидит человек с водянистыми глазами, просто смотрит на меня. По коже бегают мурашки. Он берет из ящика три картонки, раскладывает передо мной. Это причудливые, зловещие фигуры, образованные зигзагообразными линиями и заштрихованной зоной внутри них. «В одном из них опасность, – цедит человек, – она убивает твою маму и скоро доберется до твоих дружков... Где опасность?» Я боюсь прикоснуться к листку – там кривые когти и звериная пасть... Я отталкиваю листок и отдергиваю руку. Слезы катят градом... «Правильно, – невозмутимо комментирует наставник. – А теперь я переворачиваю эти листы. Постарайся держать себя в руках...» Мне страшно, я не могу сидеть на месте. Я мечтаю снова, как и прошлой ночью, оказаться под одеялом, где не нужно ни думать, ни трястись от ужаса...

Слова выговаривались с трудом. Вадим замолчал. Но и публика молчала, ожидая продолжения монолога.

– Передо мной четыре двери. Позади человек с пустыми глазами. На нем серый свитер под горло. Трясусь от страха, пот заливает глаза... Убежать невозможно – этот дядька схватит меня за шиворот и надает тумаков. «Иди, – говорит он бесцветным голосом. – За тремя дверьми верная смерть, за четвертой все в порядке, там твое спасение. Иди, Вадик, смелее, тебе дается лишь одна попытка. Если хочешь жить, ты поступишь правильно». – «Что там?» – шепчу я, а человек уже подталкивает меня: «Вперед, мальчишка, за тремя дверьми голодные гадюки, они чувствуют твою кровь... Учти – ошибешься дверью, они вопьются тебе в ногу!»

Вадим чувствовал, как пульсирует жилка на виске. Пора тормозить – второй приступ головной боли ему не одолеть. Кольцов замолчал на полуслове.

Эмоции, переживаемые им в полной мере, отразились на физиономии Вадима. Никто не требовал продолжения исповеди.

– Судя по твоему участию в нашей «корпоративной вечеринке», ты не ошибся дверью, – участливо заметил Борька.

– Ничего загадочного, – вывел резюме Коля Сырко, – интуиция. Врожденное чувство опасности. Вспомни свои молодые годы вне этой школы. Ты идешь темными закоулками домой. Неважно, откуда – от девчонки, с дискотеки. Зимой со второй смены. Часто к тебе приставали гопники? С просьбой закурить, карманчики обшарить или просто так морду набить? Ко мне только и делали что приставали – не умела гопота городская проходить мимо меня.

Вадим неопределенно пожал плечами.

– Да нет, не особенно. Конкретного мордобоя даже не припомню.

– Правильно, не припомнишь. Ты интуитивно чувствовал, каким проходным двором можно идти, а какой пустырь лучше обогнуть.

– Какого же черта его сюда принесло? – проворчал Мостовой. – Таковую явную опасность – и проворонить.

– Мы уже не те, что раньше, – тихо заметила Катя.

– Да чувствовал я ее, – отмахнулся Вадим. – Не придавал значения. Разве дурной голове объяснишь? Посмотрите на Ларису – почему она здесь? Такая девушка лишний раз за хлебом не выйдет. Посмотрите на Жанну – она виртуальная? Ей что, денег не хватает? Времени девать некуда? А вот Мостовой – он любит приключения в разгар дождливой осени? С финансами у него не порядок? Не знает толк в житейских радостях? Борька правильно сказал – нас тупо облапошили. Сыграли на любопытстве и жарком стремлении поставить точку. Ведь подсознательно каждый из нас хотел узнать, что же с ним такое стряслось в 82-м году.

– А ранение твое? – буркнула Валюша. – Мог бы заранее почувствовать, что прилетит. Не полез бы под пули в неподходящий момент...

Вадим сглотнул. И промолчал. Не хотелось заострять внимания на том самом «неподходящем моменте». Кому, если вдуматься, он интересен? У людей свои проблемы (и немалые), его боевое прошлое публике до лампочки. А вспоминать лишний раз историю с ликвидацией аль-Гамида...

– Не хочет говорить, – констатировала Валюша.

– Пусть молчит, – вступился за Вадима Борька, – имеет право на молчание. Будем тихо радоваться, что в наших рядах имеется человек, способный постоять не только за себя.

Прошло еще полчаса. Стемнело. Борька крутанул колечко своей «Зиппо» и поставил ее зажженной на середину стола. Язычок пламени тянулся ровно, без колебаний и копоты. В этом доме сквозняков не было. Его строили давно, но со странной любовью – заботясь о будущих поколениях.

– На четверть часа хватит, – прошептал Борька.

– Не жалко? – хмыкнул Макс.

– С бензобака солью. Там бензина – до этой матери...

У сидящих вокруг стола лиц не было видно. Лишь фрагменты – у кого носы, у кого черные провалы глазниц, озаренные бледным мерцанием. Остальное отступало в черноту, пряталось.

– Почему все связанное с занятиями вызывает жуткий страх? – прошептала Катя. – Это абсурдно... Наши наставники были нормальными людьми – не людоедами, не педофилами, не уголовниками. Они выполняли работу, за которую получали деньги («Неверно, – подумал Вадим, – палач тоже получает за свою работу»)... Может, не совсем этичную, но все же работу... Почему мы их боялись? Почему мы ненавидели эту школу? Почему ни о чем не догадывались наши родичи в дни свиданий? Ведь не двойников же посылали к ним на встречу! Я помню эти свидания. Смутно, но помню. Мама привезла мне на зиму шубку из ламы – она еще шутила: «Этот зверь зовется ламой...» – и желто-розовый шарфик, который связала бабушка.

– Нас обрабатывали с помощью психических штучек, – окутывая компанию дымом сигарет, процедила Жанна. – Поэтому в нужные моменты мы были как шелковые. Во все остальные – сами собой, но под плотным энергетическим воздействием. Отсюда страх.

– Как рубильником – вверх-вниз, – сипло провещал Гароцкий. – Полагаю, на нас обкатывали какую-то программку из новинок. Или тест на восприимчивость. Психологи, итить их...

– Куда там психологи – психи... – Екатерина вдруг тяжело задышала. – Они ставили передо мной ширму и требовали определить, какой предмет за ней лежит. Не угадать – а увидеть и доложить. Разрешали сделать одну ошибку на десять тестов. Я допустила две – они дважды подсунули мне чертика на блюдечке: знаете, такое уральское литье из города Миасса? Это сбilo меня с толка. Я не помню, чтобы на меня орали. Они вообще никогда не повышали голоса. Но наказывать умели... Я сидела в абсолютно темной комнате, плача от страха. Никого и ничего: ни людей, ни окон, ни мебели – я бы наткнулась. Только дверь, которую я нашла на ощупь. Я просила выпустить меня, стучалась – вы не представляете, как давит это на голову – сидение в крошечной тьме. В ответ – ни звука. Не помню, сколько времени прошло – я пыталась успокоиться, унять дрожь, но вдруг начался такой кошмар! – из всех щелей мне в уши полез многоголосый писк! Застучали лапки по полу, зацарапали когти... Я чуть с ума не сошла. Как представила эту крысиную армию, лезущую из всех дыр, – как она окружает чувствительную маленькую девочку с босыми ножками... Я была на грани смерти, честно. Помню, сил кричать уже не было, я просто села на пол, сжала голову руками – «не кусайте бедную Катеньку, не кусайте...» – и поплыла...

– Магнитофон, – компетентно заявил Борька, – В 82-м уже вовсю практиковалось стерео. А где-то, возможно, применяли квадро – для пущего задора. Не живыми же крысами тебя пугали – откуда крысы на спецобъекте КГБ?

– Трудно осмыслить даже в тридцать три года, – прошептала Катя. – А в одиннадцать... как бы я смогла?

Борька вздохнул.

– Ну, это понятно.

– Перестаньте вы вспоминать, – проговорила Рухляда. Ее голос опять дрожал, – не соберете вы полезной информации, а только вберете в себя зло. Оно нас погубит, оно уже разлагает нашу волю, а впереди такая чернота, из которой выберутся не все...

– Без устали безумная девица... – забубнил Борька.

Мостовой взвизгнул:

– Заглохни, Кассандра!

– Выберутся не все – это уже окрыляет, – рассудительным тоном изрек Макс. – По крайней мере, кто-то выберется. Я бы предпочел, чтобы победил сильнейший.

– А я – чтобы умнейший, – обиженно выпалил Коля Сырко.

– Что-то в нас сидит, – вдруг сказал Вадим, – и не дает покоя. Не в этом ли причина наших осенних сборов?

Огонек продолжал коптить, но уже не стоял неподвижно – дрожал с небольшой амплитудой. Это не значило, что в комнату заглянул ветерок – просто кто-то усиленно дышал.

– Весьма вероятно, – пробурчал Борька, – или, скажем так – отчасти возможно. Не будем пугать себя заранее.

– Да что в нас сидит? – не вникла Жанна. – Наши таланты закопаны в землю, наши способности давно забыты и аннулированы...

– Да нешто, Жанночка? – ухмыльнулся Макс. – Ты забыла, сколько будет квадратный корень из трех тысяч?

– Не забыла. Пятьдесят четыре и восемь. Чуть меньше. – Жанна вспыхнула. – Да разве это важно? По стране гуляют тысячи мошенников, способных показать и не такое. Двадцать два года прошло – не месяц. Мы растеряли свои таланты, которые нельзя вновь обрести. Кому мы нужны?

– Но в нас что-то сидит, – упорно гнул свою линию Вадим. – Некая установка, до времени заблокированная, программа, информация... не знаю. Для чего-то нас здесь собрали.

– Для размножения, – хихикнул Борька, – от самих толку хрен, так пусть потомки наши заставят вздрогнуть мир. Три женщины, шесть мужиков – вполне достаточно для образования тройственного союза. Оттого и не выходят к нам – чтобы женщины выбрали себе достойных. Выбирайте, бабоньки.

«Самое хорошее решение», – подумал Вадим. Но сказал опять другое.

– Поосторожнее, – проговорил он. – Тут дети.

– В самом деле, – напомнила о себе Валюша, – вы же не земляника – усами размножаться. Не хочу представлять, чем ты там, Кольцов, размножаешься – я же со страха помру.

– Какая интеллигентная и компанейская девочка, – умилилась брюнетка. – Ты не хочешь усыновить ее, Вадим? А то как-то пресно все вокруг.

– Удочерить, – машинально поправил Вадим. – Нет, не хочу. Оставим это счастье ее родителям, надеюсь, они где-то есть. Ответьте на простой вопрос, ребята, – для чего создавалась группа? Мы не боевая единица – даже в идеале. С физкультурой и спортом на короткой ноге был только Макс. Остальные... Мы не сильно изменились за двадцать с лишним лет. Худосочный «ботаник» – прости подлеца, Коля... Неповоротливый глотатель ребусов – извини, Антон... Эдисонова болезнь – не бей меня, Борис, возможно, она тебя не беспокоит в быту,

но для строевой ты, увы, не находка... Трудноватая на подъем Лариса – я помню эту девочку: милые кудряшки, бесподобные глаза... Но ты бы не пробежала и стометровку, прости покорно, ты очень хороша собой, но, сама понимаешь, большой спорт по тебе не плачет... Я не помню никаких физических занятий – кроме ежеутренней зарядки на половике, от которой толку – как от пачки печенюшек, которую слопала Валюша. А готовить группу с дальним прицелом, рассчитывая, что когда-нибудь мы вырастем и накачаемся, – не в традициях тогдашнего советского руководства...

– Подожди, – перебил Коля, – ты хорошо сказал и отчасти прав. Но давай подумаем. Кто мы в случае успешного окончания «школы»? Дружный коллектив, где все за каждого, а каждый за всех. Грамотное техническое звено – я, Мостовой, Уралов. Звено боевой и аналитической поддержки – Кольцов, Журбинцев, Гароцкий. Мощный энергетический блок – Рухляда, Данович, Василенко. Как насчет планирования стратегических операций? Разведка, контрразведка? Анализ информации, шпионаж, работа с агентами – своими, чужими?..

– Бред, – решительно отверг Уралов. – Только в большую голову взбредет такая идея. В стране хватало и оперативников, и аналитиков, и специалистов по стратегическим направлениям. Да не дилетантов, а конкретных профессионалов, съевших на этом деле собаку.

– Точно, – подтвердил Макс. – Вот кабы поступило задание отправить группу на Марс для разведки и обустройства там колонии, вот тут наша группа на коне – лучшие из лучших, и все при деле.

– Хорошо, – кивнул Вадим, – решение созрело в больной голове. Восемьдесят второй – восемьдесят третий год. Умирает Брежнев. Власть меняется и приходит в ужас. Незаконность психической обработки детей ее не шокирует – эта власть сама себе и адвокат, и прокурор. Шокирует тупая бессмысленность предприятия. Школу расформировывают, детей отправляют по домам (родители чего-то там подписывают о неразглашении), наставников разгоняют: кого в отставку, кого переводят на более перспективный фронт... Я не помню НИЧЕГО о последних днях этого мракобесия. Провал в памяти – и я уже в объятиях любящей мамы. Держу пари – никто не вспомнит финальную часть – ее удалили из памяти с особой тщательностью. Без толчка не прояснится, как ни тужься. Вероятно, здесь и зарыта собака – что произошло в финале? Кем мы были для наших наставников: объектами приложения их труда, и они добросовестно следовали инструкциям или вели свою игру – вразрез официальному заданию?

– Небольшая поправка в ваши увлекательные выкладки, – глуховато молвила Жанна, – наверху четыре комнаты, в каждой четыре кровати. Девочки жили в последней, я смутно вспоминаю. Справа у окна – я, – Жанна принялась загибать пальцы. – Ближе к двери – розовая пышка с кудряшками. Это была ты, Лариса. Однажды я вытянула твою кудряшку и привязала ее к кровати. Ты орала, словно тебя к мужику привязали. А потом пинков мне надавала; ну и я тебя, соответственно, взгрела. Ты была поактивнее в те нежные годы.

– Не помню, – прошептала Рухляда.

А брюнетка продолжала загибать пальцы:

– Напротив – худышка с торчащими косичками. Она в носу ковырялась так классно, что нос опух. У двери слева – рыжая в конопушках – писклявая такая, все по маме убивалась. Екатерина, ты которая из них?

Хорошо, что было темно, и румянца не видно – Катя наверняка покраснела.

– Последняя. Никогда не носила косички...

– Значит, рыжая. Ага. Мужские «апартаменты» тоже не пустовали. Нас было больше, чем сейчас. Шестнадцать человек. И это правильно – ради девяти оболтусов устраивать большое мероприятие...

– Перестань, – Катя справилась с неловкостью, – дело житейское. Один умер, другой эмигрировал, третий съехал в другой город – следы потерялись; четвертый получил вызов в

ФСБ, выслушал чекиста, покивал... и никуда не поехал. Потому что умный. А мы сидим – девять идиотов, смотрим на этот огонек, а он вот-вот потухнет...

– Хм, – громко сказала Валюша.

– Ну, хорошо, – согласилась Катя, – девять с половиной идиотов. Сидим, гадаем, куда это нас судьба повернула...

– Хм, – сказала Валюша.

– Ну, хорошо, горячая десятка. Иди к черту, Валюша.

– А я хочу выпить свой бокал, – сказал Борька, поднимая бутылку с остатками пива, – за тех, кого с нами нет. Дай бог, чтобы их не постигло несчастье... Прошу не принять это за эпитафию, надеюсь, пронесет...

Темнота давила – такие темные ночи Вадим видел только на юге. В Сибири обычно в ночное время суток преобладают серые тона. В городах особенно это явление бросается в глаза – куря на балконе или гуляя по ночному городу, он видел серых кошек, серые дома и серых людей, бродящих по серым тротуарам. Здесь же все было черным. Непроглядные тучи закрыли небо, остатки траурно черный лес. Люди разбрелись по комнатам на втором этаже. Вадим занял кровать и спустился вниз; в вестибюле горели низковольтные лампочки – единственное освещение в доме. Он подозревал, что за ним последует почетный эскорт, и не ошибся – Валюша путалась в ногах, как шустрый кот в предчувствии подачи. Он вел за руку Катю – это смотрелось нелепо, как бег через барьеры по пересеченной местности. Девчонка не пожелала остаться на панцирной сетке в остывающей комнате. Прижалась к нему, дрожала: «Я с тобой, Вадим, страшно – аж зубы ломит...» Не Артек, мысленно согласился Вадим, поневоле смиряясь с приобретением. Целых две женщины, полноценная семья, ну и подарочек ко дню рождения (у него же завтра день рождения – обалдеть!). Кольцов подтолкнул Валюшу, – тряхнув помпоном, девчонка сбегала по ступеням в холл – а сам остановился посреди лестничного марша и привлек к себе Катю. Не самое время, конечно, для проявления нежности, бывают моменты и поудачнее, но им просто необходимо было отвлечься. Во имя Кати. Вадим поцеловал женщину в горячие губы – она не сразу поняла его коварные замыслы, полумрак окутывал лестницу, а Вадим не лез бесцеремонно – целовал невинно и нежно. Потом вздохнула тяжело, вцепилась ему в рукава, расслабилась. На время пропало всё отрицательное и злобное, что было в душе. Он подумал, что в каждом деле бывают позитивные моменты, их нужно лишь найти и выделить. Кольцов ощутил приятное покалывание в затылке, возбудился, распахнул уста, надеясь, что Катя сделает то же самое... Но в это время Валюша где-то там внизу нетерпеливо застучала ногой:

– Кольцов, ты тормоз, тебя надо усовершенствовать.

Он и ухом не повел. Но Катя напряглась, оттолкнула мужчину. Они спустились вниз, держась за руки, как пионеры. Девчонка стояла ссутулившись, смотрела исподлобья и понимала куда больше, чем он сам. В который раз Вадиму стало не по себе. Но время ли копать у ребенка в душе? Захочет ли того девочка?

– Из брюк только не вытряхнись, – пробормотала Валюша. – Я понимаю, Кольцов, такие женщины на дороге не валяются... да и вы, Екатерина Викторовна, должны быть довольны – такие мужчины там тоже не валяются. Однако ведите себя прилично.

– Послушай, шпендик, – не выдержал Вадим, – ты ничего обо мне не знаешь, кто дал тебе право хвалить меня, ругать, комментировать мои действия, делать выводы?

Екатерина подтолкнула его в бок, но было уже поздно: махнув рукой, Валюша пошла к выходу, в глухую ночь, в холод...

– А ну стоять, – опомнился Кольцов, – девчонка. Не больно ли ты самостоятельная?

Отпустив Катю, он выскочил за дверь. На крыльце закурил. Сунулся было в темень, но что там делать? Подумав, он вышел к беседке – здесь кусты не росли, шансов насажать ссадин было меньше.

– Эй, бабоньки, – обернулся он к стоящим на крыльце, – а ну живо по кустам – сорок секунд на opravку, заправку и доклад, – а сам медленно двинул к чернеющему прямоугольнику гаража, отметив через плечо, что «семейка» распалась – малая забралась под ближайший шиповник, а Екатерину нелегкая понесла в полынью, осаждающую «бойлерную». Он осветил зажигалкой ворота гаража, присел на корточки. Из створа ворот совсем недавно выезжала машина: на грунте четкий отпечаток – S-образный узор протектора. Годится и для автобусов, и для грузовиков. А в рисунке – вдавленные травинки. Вадим нащупал створ, передвинул пламя. Пришлось встать, чтобы добраться до замка. Замок был потайной, изнутри, наружу выходило лишь круглое отверстие для ключа (не самый удобный вариант для любителей взлома). Он посветил вдоль стены и обнаружил у тертого цоколя ржавую гайку. Рядом – еще одну. Чуть дальше набрел на живого жука с добродушно-круглой мордой, сушеный трупик птенчика. Поднял гайку. Неплохо бы проверить «проволочный» эффект. Вадим сместился к углу гаража и швырнул гайку чуть выше замкнутой линии забора. Мимо. Швырнул вторую. Посыпались искры. Проскочила молния, и желтый сноп хлынул на землю, словно горящая стружка со станка. Какое там напряжение, интересно, озадаченно подумал Вадим. Один киловольт, два? Меньше вроде смысла нет. Больше – тоже нет, дополнительные напряжения с электричеством, которое и так непонятно откуда берется.

Глухо охнула Катя, выбираясь из «туалета».

– Не наигрался еще? – осадила его примкнувшая к последней Валюша. – Ну, рисуй, рисуй, Паганини... Так тебе его и выключат – по щучьему велению, по твоему хотению.

Кольцов отправил женщин в дом, а сам задержался на крыльце, надеясь на озарение. Встал неподвижно, настроился на размышление, но толковые мысли не шли. В голове клубился туман, и как-то все было неопределенно. Состояние ожидания кошмара – в общем-то, триллер. По-английски «саспенс» – когда мотаешь себе нервы в ожидании развязки, и мотание это хуже финала, ибо к финалу ты уже конченный псих. В густой тьме завывал ветер. Контур елей прорисовывались черными мазками – беспорядочными сгустками краски на грубом полотне. С тяжелым надрывом скрипела ветка.

Тайга не балует разнообразием. Зато сюрпризами... Вадим провел ладонью по двери, в ней когда-то был замок. Судя по выемке, увесистый. Благо дверь от времени разбухла, закрывалась без проблем. Он закрыл ее до упора и присоединился к женщине и девочке, терпеливо ожидавшим в зале. Первую взял за руку, вторую за шиворот. Ну, точно, эта Валюша – собрание парадоксов: днем в одиночку осваивает «дом с привидениями», ночью жметесь к чужим мужчинам. Темноты боится?

Все они оказались немного трусы. Даже сам Вадим, осветив язычком пламени пустое помещение, отметил пакостную дрожь в ногах. Зажигалка подседа. В сумке имелась резервная; Вадим выудил свой баул из-под кровати, стал перебирать знакомые предметы. Все родное, все свое. Бритва «Сименс», носки, трусы, початый блок «Честера», начатый «Статский советник», мини-щетка для обуви, туалетные принадлежности, документы, зажигалка... «А покурить ли я?» – явилась запоздалая мысль. Впрочем, да, покурить, во рту горечь.

– Сдвинь кровати, – шептала Катя. – Я умру от страха, если останусь одна...

– И мою... – стуча зубами, попросила Валюша, – не думаете же вы, что я вам тут образец отваги...

«Будет знать, как «зайцем» ездить», – подумал Вадим. Впрочем, без особого злорадства. Ночка выдалась на редкость пакостной. В принципе, лишенное удобств ночное существование не было ему в диковинку. Жизнь подбрасывала всякие комбинации. И в холоде приходилось, и в голоде, и на пружинах, гадко скрипящих от каждого вздоха, и даже с двумя женщинами

он однажды спал (годы обучения в военном училище были не самым плохим временем в его жизни), что, собственно, не сделало ему чести в глазах неожиданно вернувшейся с дежурства тетушки. Но никогда Вадима не использовали в качестве бесплатной грелки.

Они прижались к нему и застыли, сохраняя тепло. Уснули. Логично – чем еще заняться? Он лежал и смотрел в потолок. Тишина царилла – как в старинном необитаемом замке. Соседи не шумели – народ разбрелся по оставшимся помещениям второго этажа (Вадим изначально забил крайнее справа по дуге). Деловая брюнетка Жанна положила глаз на Макса Журбинцева. Не сказать, что тот яростно отбивался от «ухаживаний», но и не жарко это дело приветствовал. Не до любви как-то. Да и Жанну меньше всего волновало, по образному выражению Валюши, «вытряхивание» Макса из штанов, а хотелось, как человеку сметливому и практичному, надежной защиты. Их видели вместе – с огоньком в кулаке они вошли в крайнюю слева комнату, и Жанна для самых непонятливых громко возвестила: «Спокойной ночи», что было равносильно «Каюта занята!». Никто не расстроился – «жилплощади» хватало. Оставшиеся пятеро залегли в двух оставшихся спальнях, а кто там с кем дружил, Вадима уже не интересовало – он выходил в это время с Катей и Валюшей на улицу.

А теперь не мог уснуть – лежал, сдавленный со всех сторон, и восстанавливал в памяти события безумного дня. Холод переносить он умел. Четырнадцать градусов, ну, двенадцать – для тренированного организма допустимо. С затекшими конечностями дело обстояло хуже. Он боялся судорог. Медленно вытянул нижнюю конечность из-под колена Екатерины, а противоположную верхнюю заложил за голову. Валюша заворочалась, со стоном отстранилась и вдруг хрипло прошептала:

– Рассказать тебе сказку, дружок?

– Да спи ты, горе мое, – пробормотал Кольцов. – Сказочница, блин...

– Не хочешь сказку?.. – последнее слово оборвалось, Валюша сонно засопела.

– Мне уже рассказали сегодня сказку, – прошептал Вадим и закрыл глаза, собираясь мобилизовать на засыпание все резервы организма.

– Так это была не сказка, а занимательная документалистика, – сказала через минуту Валюша. Он вздрогнул, открыл глаза.

– Ты не спишь?

В темноте мерцали два зеленых глаза. Свободен, шеф? «Она что, кошка? – удивился Вадим, – или притворяется?» Он провел рукой по ее затылку (хоть шапку на ночь сняла).

– Я и не спала, – соврала девчонка. – Все лежала, думала... Вот как ты думаешь, Кольцов, мы переживем эту опасность, или она нас переживет? И про сказку ты ничего не сказал. Будешь слушать?

– Послушай, такси зеленоглазое, – рассердился Вадим. – По ночам должны все люди крепко спать – ты не усвоила это в трудном детстве? Или оно у тебя было настолько трудным, что прошло в стороне от телевизора?

– Несерьезный ты человек, – вздохнула Валюша.

– Кто бы говорил, – огрызнулся он; потом, правда, смиростивился (уж больно пауза затянулась). – Ладно, трави свою сказку, и спать. А на первый вопрос я тебе не ответчик.

– Жила-была девочка... – начала Валюша.

И пошел крошечный сериал. Почему она решила выплеснуть все это на Вадима? Ему и без того было тошно. Второе пожизненное проклятие (после путаницы с «Олегом»). Каждому встречному-поперечному его физиономия казалась максимально располагающей к доверительным беседам – от бича в подворотне до упакованного богача на диковинном «Хаммере» (был на днях один, в кафе подошел – полчаса жаловался на частичную импотенцию и полную протрацию). Кольцов наизусть знал все жизненные неурядицы бывших сослуживцев, соседей по подъезду, бабушек на лавочке – кто кого бросил, обманул, «оброгатил», и почему они все такие несчастные...

Девочка Валюша проживала в городе Томске. Нормальный сибирский город. Было бы хуже, проживай она без права на побег где-нибудь, скажем, на Курилах – в фанерной деревеньке под пятой дымящегося вулкана. У Валюши имелся золотой отец – начальник вагонного депо при станции «Томск-2» и абсолютно никчемная мать – пьяница, гулена и транжира. Но отец ее любил, хотя и зря. Не любил бы, остался бы жив. Когда ему сообщили об автомобильной аварии, в которой активное участие приняла его законная супруга-паразитка, разбившая спьяну семейную «Ауди» об парочку легковушек, отца хватил обширный инфаркт. Прямо в кабинете, в присутствии полчища замов. Была машина с мигалкой, больница, реанимация, кладбище. Мать, как случается с подобными людьми, осталась жива. Во всем этом нелепом нагромождении железа, крови, раздавленных тел она смотрелась очень миленько – пьяная и с шишкой на лбу. От суда мамашу отмазали, у отца имелся друг детства – гениальный адвокат.

Через три месяца у Валюши появился отчим, немедленно прописавшийся в их шикар- ной квартире в центре города. Какой-то коммерсант-вредитель. Но в целом веселый мужчина: если мамашка лупила Валюшу в бесконтрольной ярости специально приспособленной палкой и при этом пьяно изрыгала угрозы, то новый папашка – поначалу рукой, с веселыми прибаут- ками и не каждый день. Через полгода ситуация поменялась: прозрев, что единственное в их жизни несчастье – это самый противный на свете ребенок, родичи начали атаку развернутым фронтом. Валюша защищалась. Жизнь стала похожей на своеобразный спорт – где нужно как можно ловчее увернуться, успев при этом мелко напакостить.

Третий год от миллениума ознаменовался траурным событием – погибла мать. В разгар новогодней пирушки, невзирая на лютый холод, она пыталась взгромоздиться на перила бал- кона, совершенно забыв, что человек не птица. Реанимации не было – сразу кладбище. Через месяц отчим привел в дом новую «квартирантку»... Тут Валюша совсем запуталась. Родных вроде не осталось – по квартире бродили чужие, вечно пьяные, гнущие пальцы люди и дружно уверяли, что они имеют на это право. Много понимает ребенок? У Валюши хватило ума обра- титься к подруге, имеющей маму-юриста. Легче ей, правда, от этого не стало. «Трудный слу- чай, деточка, – развела руками мама-юрист. – Не будь они тут прописаны, проблем бы никаких. Но по документам этот мужчина твой отец («этот мужчина» подсуетился, оформив удочере- ние), так что терпи. Существой у тебя близкие родственники, можно было бы побороться, ну а в данной ситуации... бог им судья, деточка».

Из родни осталась бабушка в Любимовке, успевшая к 80 годам похоронить мужа и обоих сыновей-алкоголиков, да какой-то дядюшка по материнской линии, обитающий в Гродно. Пер- вая выживала из ума, координат у второго не имелось. А жизнь тем часом подбрасывала новые сюрпризы. Любимый отчим оказался не только специалистом по издевательствам, но и редким мошенником, «обувшим» на пару миллионов целую обувную фабрику, большинство акций которой принадлежало городскому руководству. В дом пришли автоматчики в серых бушлатах. «Через три зимы, – просветил домашних радостный майор, – отсидит как надо и вернется». На две недели Валюша осталась без отчима. Не успела она как следует прочувствовать эту невосполнимую утрату, как отчим появился. Новый. Правда, от старого практически неотли- чимый. Валюша уже тихо шизела. «И не надейся, – заявила ей мачеха, – со мной такой фокус не пройдет. Я человек законопослушный и буду жить вечно. И дядя Гена, с которым мы завтра распишемся. А у тебя, родная, с этого дня появятся новые обязанности...»

Ее нашли мертвой через день после прописки в квартире нового жильца. Поскользнулась, упала с лестницы. На следующий день после похорон чуть не расквасилась сама Валюша... Жуткий бомж в струпьях и нарывах подстерег на лестнице. Не врежь она ему с истошным виз- гом промеж пустой и зрячей глазниц, пришлось бы падать с четвертого этажа – в ствол между маршами. Как она катилась вниз, Валюша не помнила. Время было послеобеденное, моросил дождь, во дворе – никого. Думай, осадил ее голос разума, когда она, растрепанная, перебе- гала двор. Валюша спряталась в кустах, затаилась. Живописный бомж, хромая на обе ноги,

выбрался из подъезда, зыркнул по сторонам зрячей глазницей и порулил куда-то за угол. Дома никого не было, новый родственник умотал еще утром (алиби, надо думать, делать). Валюша побежала в квартиру, сгребла документы на квартиру, метрику, сто рублей денег из заглашника, натянула на себя что было приличного и понеслась по лестнице, заклиная всех богов уберечь ее от встречи с этим чудовищем. На сто рублей она и доехала до Славянки. Откуда ей знать, что нет прямых рейсов на Любимовку? Голодная, без копейки денег девочка бродила по автостанции до тех пор, пока не подъехал импортный автобус с волшебным словом «Любимовка» под стеклом, и водитель не побрел за кузовом...

– И этот маразм ты называешь сказкой? – возмутился Вадим.

– А разве нет? – удивилась Валюша. – Ты когда-нибудь слышал о чем-нибудь подобном?

– Никогда, – признался Вадим. – Но если так, то это очень злая сказка. Ее нельзя читать детям на ночь. И взрослым ее читать нельзя, только врагам. Слушай, а чего тебя к бабке-то понесло? Нашла защитницу.

– А куда, Кольцов? В милицию я и не пробовала – все законно, не подкопаешься. Прописка легальная, что поделаешь, если законы уродские. И синяки не аргумент – эта козлина Сайкина тоже могла предъявить шишку на затылке: я ее Большой советской энциклопедией отоварила, когда она отвернулась. А у бабки в Любимовке хорошо – поросята хрюкают, сено, уютно в общем. Нас отец возил в Любимовку, я еще в школу не ходила – как сейчас помню, за курами с рогатиной бегала.

– А чего ж тогда такая умная? По логике, исходя из твоих условий жизни, ты должна расти пень-пнем. А ты такая... иногда мне кажется, Валюша, что ты старше, только вот в росте притормозила.

– Пень, Кольцов, мужского рода, это по твоей части. И вообще мужчина умен от книг, а женщина – от рождения, запомни. Блондинки не в счет. Ты можешь возразить мне, мол, блондинками не рождаются, но это не так, Кольцов: блондинками рождаются. Уж поверь моему горькому опыту.

Он уже понял. Очевидно, и у матери, и у мачехи Валюши были светлые волосы, отчего и сидела в ней такая неприязнь к этой небольшой, но заметной человеческой группе.

Вадим деликатно промолчал. А Валюша по инерции бормотала, но слова ее делались невнятные, паузы длиннее, язык заплетался. Она засыпала.

– А чего ж мне душой-то быть, Кольцов?.. Не от сладкой, знаешь ли, жизни. Я Большую энциклопедию, к твоему сведению, дважды прочитала. А после того, как Сайкину огрела – еще раз, сообразно свежим впечатлениям. Все выходные с разбитым носом проваливалась, делать-то было нечего... И Сайкина не подходила, она этот талмуд знаешь как заужала, и меня тоже...

Ну все, дрожащий комочек замолчал на полуслове; свистящее дыхание, будто вздох облегчения, вырвалось наружу – отговорила роща золотая. Теперь ее не разбудит даже хор мальчиков во главе с Никитой Джигурдой, надумай они обступить ее кровать и чего-нибудь спеть.

– Бедная кнопка, – шепнула в ухо Катя. О ней Вадим временно забыл.

– Ты не спишь? – спросил он тихо.

– Спала, вот те крест, – поклялась Катя, – но когда она про отца начала, жалко стало, проснулась. Ты знаешь, я на нее нисколько не в обиде.

– Ты знаешь, я тоже, – Вадим осторожно отодвинулся от Валюши и обнял Катю. Ничего эротичного в этом не было: помимо теплой джинсовой куртки на ней была масса другой одежды. Но было приятно.

– Ей очень не повезло в жизни, – подумав, сообщила Катя.

– Ее жизнь еще не кончилась.

– Конечно. В целом и не начиналась. Но как начать жить с таким грузом – ума не приложу, – женщина вздохнула так тяжело, что Вадим сразу заподозрил неладное.

– Стоп, Катюша, не надо про неудавшуюся жизнь. Учти, моя копилка чужих несчастий не бездонная.

– Ну что ты, – в тоне Кати прозвучало сомнение, – у меня все здорово. Карьера, квартира, отдых на Мальте. Новый «равчик» на стоянке. Просто не хочу, чтобы в одну прекрасную ночь все это обрушилось.

– Я тоже, – согласился Вадим. – Жизнь неплоха даже без Мальты и «равчика» под задницей. Не волнуйся, – он зарылся носом в шевелюру Кати, где остро пахло луговыми цветами, – кошмар, конечно, налицо, но что нам угрожает?

– Мне не дает покоя история про девять с половиной ... нет, десять негритят.

Здасьте, бабушка, и мы туда же.

Кольцов слегка отстранился от Кати.

– Глупая, не вижу аналогий. Принципиально иная ситуация. Собирайся нас убить, давно бы убили. Для этого не нужно ехать в Томскую губернию. Зачем нас убивать? Мы никому не насолили. Есть дела поважнее. Вот использовать – это да.

– А после... использования?

Он не выжал из себя достойного ответа. В принципе, тоска и упадничество уместны. Единственный человек из «юных дарований», способный, через пень-колоду, заглянуть в будущее – Лариса Рухляда – трясется от страха. Что-то она видит. Говорить не хочет – ссылается на «непроницаемый экран», но не больно-то верится. Не будет человек, даже сверхчувствительный, реагировать на пустой «экран» столь остро.

Неужели им действительно туго? Или только некоторым? А в чем высокий смысл этой жертвенности?

Завеса мрака вокруг загадочного дома уплотнялась. С того момента, когда Екатерина снова заснула, прошло сорок минут, о чем сообщили светящиеся стрелки. Без пяти два; скоро будет середина ночи, а затем настанет предутренняя пора. Там и будет крепкий сон. А пока – ни в одном глазу. Он поднялся, словно душа над усопшим, – бесшумно и легко, не потревожив спящих дам. Уперся в металлический уголок, обрамляющий панцирь, перелез через дужку.

Тела на кровати, чтобы сохранить тепло, сомкнулись. Проверив в кармане наличие курева, он на цыпочках выбрался из комнаты.

Страх не было – темноты Вадим не боялся. Медленно закрыв дверь (при быстром закрытии она душераздирающе скрипела), постоял пару минут, а когда глаза привыкли к темноте, побрел направо.

Холл второго этажа имел два окна, выходящих во двор. Их контуры приблизительно прорисовывались. Особой нужды в освещении не было – Вадим ориентировался по памяти. Он постоял у каждой из трех дверей. Герметичность оставляла желать лучшего: где-то сопели, где-то похрапывали. Кольцов дошел до последней двери, повернул налево, сунул нос в «нерабочий» туалет и брезгливо поморщился – запах уже присутствовал. Кому-то трудно сходить на улицу?

До лестницы оставалось метра три. Витые опоры перил проступали сквозь полумрак. Но вторую лестницу – на обратной стороне холла – он, как ни щурился, не видел.

Сунув в рот сигарету, Вадим начал спускаться. Рука нащупала выбоинки в перилах – памятный знак – словно две пули чиркнули по касательной. Прикосновение вызвало яркий образ... Навстречу девочка в вязаной шапочке, губки сжаты, глазки красные – капиллярные сосуды полопались, от стресса или напряжения. Он хочет посторониться, но не может, рука не отрывается от перил, а девочка тоже цепляется за них, волочит ноги, как старуха. Он проходит сквозь нее, это так противно... А в сердце вползает тоска: «Вызывал, хозяин?»... Вадим оторвал пальцы от ложбинки в перилах; отдышавшись, отправился дальше. Этот дом служил катализатором воспоминаний. Картинки прошлого, перетекая из подсознания в сознание, разжимались, словно разархивированные файлы. За поворотом он увидел мальчика. Рослый

не по годам, он стоял посреди лестницы и размазывал кулаками слезы. Кто такой? В «горячей десятке» высоких не было. Умер? Поменял гражданство? Испугался ворошить прошлое? Закрыв глаза, Вадим крепко сжал перила и спустился на несколько ступеней. Когда он открыл глаза, мальчик пропал. И света в вестибюле не было, хотя горел он весь день, и вряд ли обе лампы могли перегореть одновременно. Он помнил, где выключатель – слева от двери в столовую. Держа во рту незажженную сигарету, он сошел к подножию лестницы и начал шарить по стене, пачкаясь о сухую штукатурку. Вадим надавил на выключатель – электричества не было.

И вдруг краем глаза он ощутил движение. Справа... В груди перехватило. Рука застыла на выключателе. Померещилось?.. Черта с два померещится. Кто-то двигался по коридору, ведущему ко второй лестнице. Поскрипывал пол. Человек особенно не таился. Очевидно, он вошел в дом, пересек вестибюль и, выбрав почему-то правую лестницу, подался к ней. Он мог и не видеть Вадима – тот не шумел, неосознанно двигался на носках, а плашка выключателя работала без щелчка, на магните. Темнота в коридоре – хоть глаз выкол. Никого не видно, только воздух дрожал, указывая на присутствие крупного движущегося тела.

Скрип оборвался. Приглушенные шлепающие звуки – человек поднимался по ступеням. Вадим убрал руку с выключателя. Стараясь не скрипеть, он на носках миновал дверь в столовую и растворился в темени коридора. Ускорил шаг – за считанные секунды добрался до лестницы и встал как вкопанный. Человек еще не поднялся – ступени поскрипывали где-то за изгибом. Совершенно не ясно – мужчина или женщина. Свинство какое-то. Вадим уже не испытывал страха. Положив руку на перила, начал подниматься. Дошел до поворота, снова замер. Наверху заскрипели половицы. Вот и ответ на интересующий вопрос. Незнакомец отправился в холл – к одной из дверей, за которой спали люди. На третий этаж ему не надо...

Словно в подтверждение этих мыслей раздался отрывистый скрежет – отворилась дверь (но не та, за которой ночевали Валюша и Катя, у той голосок иного тембра). Прошло мгновение – снова скрип. Затворил дверь. Вошел, стало быть. Вадим помчался наверх, прыгая через три ступени. На последней застыл, обратился в слух. Так и есть – в одной из комнат протяжно заныла панцирная сетка – новоприбывший улегся. Еще одного бессонница мучает? Или до ветру бегал?

Устыдясь своих страхов, Вадим почти успокоился и отправился обратно. Но легкая досада оставалась: разбередил старые раны, теперь точно не уснуть. На крыльце он выбросил сигарету – разгрыз фильтр в лохмотья, достал новую. Долго стоял неподвижно, вдыхая дым. Прикурил вторую, но осилил лишь наполовину – накурился досыта. Плыли тучи, сталкиваясь и сливаясь. Робкий дождик то шел, то прекращался. Старая песня. Внезапно посетила мысль: в холле отрубили свет, а не настал ли всеобщий конец энергоснабжению? Он бросился к гаражу искать металлические предметы – окончательно добил зажигалку. Подобрал какую-то ржавую скобу с отверстиями, лучше и не придумать. Швырнул в проволоку – всем привет! – брызнули искры, мелькнула голубая саламандра. Ошибочка вышла. Плюнув с досады, Кольцов вернулся в дом.

Ноги по инерции понесли его к левой лестнице. Кто-то шарахнулся от него, как от прокаженного! Черное пятно во тьме – вскрикнуло, метнулось вверх. Адреналин плеснул в кровь – Вадим бросился вперед, настиг пятно в три прыжка и повалил на холодные ступени. Но не тут-то было – юркий кулачок вырвался на свободу, больно саданул выше глаза. Он запоздало перехватил запястье (там хватать-то было нечего).

– Пусти, идиот! – взвизгнул тонкий голосок.

Вадим рывком поднял Валюшу на ноги, попутно отвесив затрещину в качестве компенсации за пережитый испуг.

– Ну и за кем мы тут шпионим?

– Пи-пи захотела, ты что, сбесился, Кольцов? – пищала сдавленно девочка, сверкая в темноте зенками. – Отпусти же меня, дурак, не убегу...

– Ладно, сама виновата, – Вадим убрал руку и осторожно потрогал место приложения Валюшиного кулака. – И чего руки распускаем? А если бы ты мне не в бровь, а в глаз?

Валюша хихикнула, из-за чего и заработала вторую затрещину. Усилием воли Вадим смягчил удар. Каким-то нервным он стал.

– Хорошо, иди делай «пи-пи». Жду тебя в комнате, – он сграбастал Валюшу за шиворот, развернул и подтолкнул. Валюша внезапно заупрячилась.

– Расхотелось что-то... Ты сам виноват, Кольцов. Ушел от меня, я просыпаюсь в холодном поту – меня какая-то женщина обнимает. Знаешь, Кольцов, я не привыкла спать с женщинами.

– Ты привыкла спать с мужчинами, я понял тебя, – кивнул Вадим. – Ладно, идем, святая Лолита, – он ослабил хватку, – но давай договоримся: отныне ты понимаешь меня с полуслова, держишь рот на замке, по дому не бродишь, засыпаешь сразу. И ни одного обидного слова о блондинках – о них либо хорошо, либо ничего.

Ответить с присущим ей достоинством Валюше помешал посторонний звук. Где-то далеко, вероятно, наверху, раздался слабый шум. Упало и покатилося что-то металлическое, предположительно круглое. Вадим задрал голову. Звук оборвался, сменившись тишиной. Казалось, она звенела, как зловердный комар.

– Это где? – прошептал Кольцов. – На втором этаже?

– Не-а, – просвистела Валюша, – выше...

– А что у нас выше?

– Железные двери... Запретная терра инкогнита для таких, как мы с тобой...

– Черт... – кулаки непроизвольно сжались. – Это уже занято. Ну что, девчонка, наберемся мужества? Я иду на дело, ты стоишь на стреме. Заору – барабань во все двери.

Вадим скинул в холле кроссовки, сунул их под окно. Заскользил босиком – так гораздо удобнее. В этой части дома он бывал лишь однажды, мельком осмотрев дверь. Лестница завершалась прямоугольной, устланной плиткой площадкой. Расширенный проем, коридор, отворот, поворот, глубокая ниша, в нише дверь. Он перебежал на цыпочках площадку, сунулся в проем и различил тусклый свет в конце коридора. Туда и подался. Уж больно прыгающим был этот свет – такое впечатление, что орудовал человек с фонарем. Тихонько поскрипывал металл. Вадим прижался к стеночке (она оказалась на удивление ровной и гладкой), приготовил кулак и мелкими шажками принялся сокращать расстояние...

В нише копошился человек. По счастью, один и без оружия. И, похоже, без ушей. Снова звякнул металл. Что-то щелкнуло. Поскрипывания стали ритмичными, жесткими, как будто заработал храповый механизм, сцепляющий зубья шестерни при каждом обороте.

Потом все стихло. Человек издал вздох, оторвался от двери. Поднял руку с фонарем и тыльной стороной ладони вытер пот со лба. На пару секунд высветилась голова, обладающая причудливым свойством отражать лучи. Вадим расслабился. Надолго ли?

– Ну и чего ты докопался до этой двери? – поинтересовался он.

– А?... Чего?... – обладатель лоснящегося черепа отпрыгнул, направив фонарь на Вадима. – Фу ты, черт... Напугал, бродяга.

Кольцов вышел из укрытия, испытывая не совсем понятные чувства. То ли неловкое облегчение, то ли разочарование.

– Ты что-то уронил? Извини, я слышал. Мимо шел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.